

№ 4 30 1892

ВЪСТІЖЪ СВРОШД

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ЮНЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. В. ВЕЛИЧКО

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ

ВЪ

ТУРКЕСТАНѢ

I.

Злополучная фикція.—Государственныя земли, не находящіяся въ распоряженіи государства.—Существуетъ ли у мусульманъ частная собственность?

Во второй половинѣ 1890 г., въ газетахъ было сообщено, что министръ финансовъ, побывавъ въ Туркестанскомъ краѣ, нашелъ, что поземельный вопросъ находится тамъ въ хаотическомъ положеніи, и что г. министръ, обративъ вниманіе на крайне ошибочное и опасное направленіе поземельно-податныхъ работъ, прекратилъ ихъ, или, какъ было сказано, „*поставилъ на нихъ крестъ*“.

Сообщая это извѣстіе, ташкентскій корреспондентъ выражалъ свою радость, что министръ приѣхалъ въ Ташкентъ такъ своевременно, и возлагалъ надежды, на то, что поземельно-податной вопросъ отнынѣ выйдетъ изъ хаотическаго состоянія и будетъ приведенъ къ правильному рѣшенію. Потому будетъ интересно узнать поближе, какой именно хаосъ былъ обнаруженъ въ поземельномъ дѣлѣ, и въ чемъ заключалось то крайне ошибочное опасное направленіе, надъ которымъ столь энергично „поставленъ крестъ“.

Всѣ тѣ, которые не слѣдили со вниманіемъ за теченіемъ жизни на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ, быть можетъ, не безъ удивленія узнаютъ, что поземельный вопросъ въ Туркестанѣ (какъ и вопросъ податной) дониндѣ еще не рѣшенъ, не взирая на то, что недавно была уже отпразднована первая четверть вѣка завоеванія этой обширной страны. Но эти вопросы не только не рѣшены, а находятся даже, приблизительно, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ застало ихъ завоеваніе края русскими войсками и присоединеніе къ составу имперіи. Очень естественно, что, узнавъ это, каждый невольно задастся такимъ вопросомъ: если общій поземельный вопросъ еще не рѣшенъ, то какія же земельныя законоположенія дѣйствуютъ въ край? Какъ разрѣшаются тѣ частныя вопросы, которые вытекаютъ изъ общаго, и какъ, наконецъ, вытекающіе изъ самой жизни вопросы о землевладѣніи, переходѣ имущества, и пр., разрѣшались въ теченіе истекшихъ двадцати пяти лѣтъ? Между тѣмъ въ части края, позже всѣхъ присоединенной къ имперіи, именно въ Ферганской области, поземельныя работы были начаты прежде, чѣмъ въ другихъ частяхъ края, и еще восемь лѣтъ назадъ, всѣ эти работы были уже закончены; а тѣмъ не менѣе, поземельный вопросъ все-таки еще не считается рѣшеннымъ ни въ Ферганской, ни въ другихъ областяхъ, и предпринятое, наконецъ, четыре года назадъ рѣшеніе неожиданно приняло, какъ сказано выше, такое опасное и ошибочное направленіе, что рѣшились даже на приостановку работъ.

Какъ же все это произошло и какъ вышло такъ, что въ результатѣ многолѣтнихъ усилій порѣшить съ поземельнымъ вопросомъ оказался только хаосъ и „опасное направленіе“, — все это не безъ основанія заставляеть насъ ближе познакомиться съ сущностью дѣла. А дѣло заключается вотъ въ чемъ.

Дѣйствительно, поземельный вопросъ, — т.-е. вопросъ, кто, чѣмъ и на какихъ правахъ владѣеть, — считается до сихъ поръ въ Туркестанскомъ краѣ неразрѣшеннымъ.

Не менѣе сотни лицъ, подъ руководствомъ генералъ-губернатора, трудятся, вотъ уже около пяти лѣтъ, надъ наилучшимъ рѣшеніемъ этого вопроса, не считая тѣхъ шести лѣтъ, въ теченіе которыхъ разрѣшался этотъ же вопросъ въ Ферганской области, и еще трехъ лѣтъ отдѣльныхъ работъ въ кураминскомъ (нынѣ ташкентскомъ) уѣздѣ. Болѣе полутора милліона казенныхъ денегъ ¹⁾ уже пошло на рѣшеніе этого вопроса; болѣе двадцати лѣтъ подготовлялось это рѣшеніе, болѣе десяти лѣтъ

¹⁾ Работы въ Ферганской области стоили 833 тысячи.

находился вопросъ въ разрѣшеніи, и въ результатѣ оказывается, что дѣло не только не подвинулось къ концу, а получился, если вѣрять ташкентскимъ извѣстіямъ, хаосъ, опасное направленіе и пр., и пр., закончившееся приостановкою работъ.

Если свести весь вопросъ къ болѣе простой формулѣ, то его можно поставить такъ: до сихъ поръ не выяснено, что принадлежить государству и что обывателямъ, или еще проще — государственныя земли не размежеваны съ частными и общественными, и такъ какъ ни одинъ родъ этихъ земель еще не приведенъ въ извѣстность, т.-е. не измѣренъ и не снятъ на планъ, то остается неизвѣстнымъ — сколько земли у казны, и сколько у частныхъ лицъ и обществъ. Въ этомъ собственно заключается вся суть дѣла, и если столь простой вопросъ изобиловалъ до сихъ поръ разными, что называется, осложненіями, то происходило это только отъ того, что выдвигавшіеся хронически частные вопросы отстраняли и затемняли главный, и, какъ говорится, за деревьями не видѣли лѣса. То хотѣли вопросъ поземельный разрѣшить одновременно съ податнымъ, то въ поземельному вопросу присоединяли вопросъ административнаго и судебного устройства, то раздавались голоса за юридическое межеваніе и подворный кадастръ (разумѣется, съ одновременнымъ разрѣшеніемъ поземельнаго вопроса), то, наконецъ, являлось опасеніе разойтись съ постановленіемъ шаріата, и затруднялись рѣшить дѣло до приведенія въ извѣстность такъ-называемаго адата, и т. д., и т. д.

Словомъ, въ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, вырославшихъ главнымъ образомъ на почвѣ канцелярской переписки, отнюдь не было недостатка. Колебаніе, сомнѣніе и нерѣшительность продолжались до послѣднихъ лѣтъ, когда, наконецъ, явилось давно ожидаемое Положеніе объ управленіи краемъ (1886 г.), принесшее желанное рѣшеніе.

Замѣтимъ прежде всего, что при постановкѣ вопроса о мѣстномъ землевладѣніи особенно трудно одолимою оказалась для мѣстныхъ дѣятелей нѣкая, такъ сказать, фикція — чисто мусульманскаго или скорѣе восточнаго происхожденія, на которую, какъ на подводный рифъ, насканивали всѣ проекты, всѣ планы и всѣ предположенія относительно рѣшенія поземельнаго вопроса. Во всѣхъ проектахъ (а ихъ было 6—7) неизмѣнно возникалъ вопросъ: не слѣдуетъ ли объявить *казенными* или государственными такія земли, находящіяся въ фактическомъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи жителей, которыми никогда казна (ни прежняя ханская, ни русская) не владѣла, не пользовалась и не распоряжалась, но на которыя она, т.-е. казна, казалось, имѣла нѣкъ

торое право, но истекающее изъ мусульманскихъ возрѣній на власть повелителя страны...

Чтобы уяснить себѣ, какъ могла такая фикція проявить подобную живучесть прямо-таки во вредъ русскимъ интересамъ, и какъ могло случиться, что въ теченіе 25 лѣтъ казна не могла разобратъся въ вопросѣ, чтѣ ей принадлежить и чтѣ нѣтъ,—необходимо немного оглянуться назадъ.

До сихъ поръ въ краѣ дѣйствовали два закона. Одинъ изъ нихъ назывался: проектъ Положенія 1867 года, не утвержденный властью законодательной, но *примѣнявшійся* въ теченіе 20 лѣтъ; а другой—Положеніе 1886 года, явившееся на смѣну проекту. Проектъ вовсе не разрѣшалъ поземельнаго вопроса, а Положеніе, хотя и разрѣшило его, и принципиально, и детально, но, однако, такъ осторожно, что на практикѣ должны были возникнуть нѣкоторыя, хотя и незначительныя, недоразумѣнія ¹⁾. И въ первомъ, и во второмъ законѣ, т.-е. и въ проектѣ, и въ Положеніи, при разрѣшеніи поземельнаго вопроса, или, проще, при разрѣшеніи вопроса, чтѣ принадлежить казнѣ и чтѣ населенію, на первомъ планѣ была поставлена забота, чтобы рѣшеніе не вышло обидно для населенія сплошь мусульманскаго, чтобы не слишкомъ разойтись съ міровозрѣніемъ и правовыми порядками ислама, и чтобы, не принимая безповоротныхъ рѣшеній, предоставить времени выяснить дѣло. И вотъ, для того, чтобы соблюсти эту осторожность, на первомъ планѣ была поставлена такая формула: правительство въ мусульманской странѣ есть единственный и истинный владѣтель всей земли, а потому частная собственность существуетъ постольку, поскольку правительство ее терпитъ и признаетъ. Это и есть та чисто-мусульманская идея, основою которой послужилъ, какъ будетъ видно ниже, даже не коранъ и не шаріатскія книги, а только единичныя толкованія нѣсколькихъ казіевъ; она-то и была принята въ основаніе при разрѣшеніи поземельнаго вопроса,—и, скажемъ прямо, была источникомъ всѣхъ затрудненій. Въмѣсто того, чтобы безслѣдно исчезнуть съ водвореніемъ въ краѣ русскаго владычества и русскаго закона, вмѣсто того, чтобы перейти въ область воспоминаній о когда-то бывшемъ мусульманскомъ господствѣ въ странѣ, идея эта хронически угнетала насъ и тормазила ходъ и рѣшенія поземельнаго вопроса. Достаточно сказать, что еще чуть-ли не наканунѣ утвержденія Положенія 1886 г. шла рѣчь о томъ, чтобы всю туркестанскую землю объ-

¹⁾ Какъ осторожно рѣшенъ вопросъ, видно изъ того, что въ разсужденіяхъ государственнаго совѣта выражено, что „поземельный вопросъ не находится еще на тѣхъ степеняхъ зрѣлости, чтобы быть рѣшеннымъ въ болѣе императивной формѣ“.

явить *государственной собственностью* и обложить жителей „*оброчною податью*“, и только въ послѣдній моментъ было рѣшено признать за населеніемъ право собственности на землю и дать названіе „*поземельной подати*“ тѣмъ платежамъ, которые они будутъ вносить какъ собственники.

Оттуда, однако, явилось представленіе о принадлежности мусульманскимъ правителямъ всѣхъ земель ихъ подданныхъ? Никто, конечно, не станетъ утверждать, что въ мусульманскихъ странахъ не было никакого закона и все дѣлалось непремѣнно произвольно и безъ соблюденія справедливости; но всякій знаетъ, что въ странѣ восточнаго деспотизма личная и имущественная свобода, честь и жизнь гражданъ въ прежнее время вполне зависѣли отъ личного произвола и прихоти правителя, и уже поэтому тамъ легко могло сложиться представленіе о власти правительства надъ всею землею, объ отсутствіи частной собственности, и казалось бы, что только въ этомъ единственномъ смыслѣ и могло быть понимаемо сохранившееся до времени русскаго владычества представленіе о *принадлежности* мусульманскимъ правителямъ всей земли ¹⁾.

Кромѣ этого, такъ связать, теоретическаго возрѣнія на принадлежность ханамъ всей земли, русскіе завоеватели ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не нашли, вступивъ въ фактическое обладаніе бывшими ханскими владѣніями. Лично у хановъ была своя собственность, у подданныхъ ихъ—своя, и какъ бы ни называть то право на землю, которымъ пользовалось населеніе, право это выражалось въ свободномъ отчужденіи, наслѣдованіи, дареніи и всякомъ иномъ переходѣ и отчужденіи имущества, или иначе, это было полное право собственности.

Какъ бы, повторяемъ, ни называть это право и какъ бы ни настаивать на принадлежности хану всей земли, но ни одинъ изъ такъ-называемыхъ знаточковъ края, усердно поддерживавшихъ фикцію принадлежности ханамъ всей земли, не доходилъ до утвержденія того положенія, что каждый актъ отчужденія имущества долженъ былъ получать соизволеніе правительства, какъ единственнаго собственника земли,—напротивъ, всѣмъ этимъ знатокамъ было извѣстно о необыкновенной легкости перехода у мусульманъ недвижимой собственности безъ всякой санкціи власти (по простымъ заявленіямъ и запискамъ), объ оживленной продажѣ

¹⁾ Въ книгѣ „Гидаз“, между прочимъ, говорится, что Магометь сказалъ: „к живить мертвую землю, то земля эта принадлежитъ ему“; но толкователь Абу-Хинфа добавляетъ: „не принадлежитъ человѣку ничего, кромѣ того, что одобренъ имамомъ“.

и перепродажѣ земельныхъ участковъ, садовъ, огородовъ и прочее, и тѣмъ не менѣе, фикція, что вся земля ханская, а послѣ хановъ сдѣлалась русскою государственною собственностью, держалась вплоть до обнародованія Положенія 12-го іюня 1886 г. Только это Положеніе рѣшилось покончить съ этою фикціею.

Но спрашивается: гдѣ же источникъ этой фикціи и причина столь продолжительнаго ея существованія? Въ коранѣ, въ шаріатскихъ книгахъ или иныхъ постановленіяхъ и толкованіяхъ мусульманскихъ законовѣдовъ?

Спрашивается: какъ, при наличности такого постановленія, — если только это не фикція, — могла дѣйствовать и дѣйствовала русская власть въ теченіе истекшихъ двадцати-пяти лѣтъ и будетъ дѣйствовать впредь, пока разрѣшается поземельный вопросъ и пока выясняютъ, что казенное и что обывательское?

На это можно лишь сказать, что никогда и никакихъ практическихъ затрудненій въ переходѣ земельной собственности изъ рукъ въ руки эта фикція не создавала; въ средѣ туземнаго населенія, какъ прежде, такъ и нынѣ, происходитъ совершенно свободный переходъ имуществъ; какъ во времена ханскія принадлежность всей земли государю была только фикція и никакого одобренія хана-владѣльца всей земли на переходъ земли не требовалось, такъ это остается фикціею и нынѣ; но результатъ всего этого колоссальнаго недоразумѣнія заключается въ томъ, что пока, въ теченіе 25 лѣтъ, все ждали практическаго выхода изъ этой фикціи, и продолжая вѣрить въ ханскія права на всѣ земли, будто бы преемственно перешедшія къ русской власти, не устанавливали понятія о дѣйствительно казенной землѣ и о государственной собственности, — населеніе все увеличивало да увеличивало свои земельныя владѣнія, а казна добродушно считала, что все принадлежитъ ей, все сполна казенное. Казна преспокойно ожидала рѣшенія поземельнаго вопроса, въ увѣренности, что вся земля — ея, и рано ли поздно ли она вступитъ во владѣнія своими земельными богатствами. Специальныхъ органовъ государственныхъ имуществъ въ краѣ не было (какъ нѣтъ и нынѣ), а общая администрація довольствовалась нѣсколькими казенными арендными статьями (переправы, рыбныя промыслы, выморочныя имущества и т. п.), и благодушно взидала на расширеніе обывательскихъ владѣній и считала всю землю своею, однако не пользуясь, не владѣя и не распоряжаясь ею. Фактически, т.-е. на самомъ дѣлѣ, всѣмъ, т.-е. всей землею, владѣлъ и владѣетъ житель; въ і, и прежде орошенная, и вновь орошаемая земля находилась въ его распоряженіи и владѣніи, а тѣмъ болѣе въ его распоря-

женіи находились всѣ неорошенные земли, всѣ пастбища, болота, камыши, солончавы, пески и лѣсныя заросли—саксаула джиды¹⁾ и проч., за которыми не было никакого надзора. Выходило на самомъ дѣлѣ такъ, что все считалось казеннымъ, и на самомъ дѣлѣ ничего казеннаго не было.

Идея принадлежности всей земли государству, тѣмъ не менѣе, переходила наследственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ правителя къ правителю, и ради нея, до 1887 года, поземельный вопросъ не получалъ никакого рѣшенія. Только въ этомъ году, съ изданіемъ Положенія, возникъ, наконецъ, не фиктивный, а реальный вопросъ: чѣмъ владѣютъ жители, и что принадлежитъ казнѣ, а до того, въ теченіе 20 лѣтъ, повидимому, никто не останавливался надъ вопросомъ: если вся земля была ханская, а послѣ завоеванія стала государственною, то она и на самомъ дѣлѣ, а не фиктивно, должна быть государственною, т. е., что государство и должно быть ея единственнымъ распорядителемъ.

Хотя въ мотивахъ государственнаго совѣта къ Положенію 1886 года поземельный вопросъ разрѣшается нѣсколько уклончиво и совѣтъ начинаетъ съ того, что высказываетъ, будто вопросъ этотъ „не находится на достаточной степени зрѣлости“, но въ самомъ Положеніи вопросъ разрѣшается и категорично, и достаточно ясно. „За осѣдлымъ населеніемъ,—говорится въ законѣ (ст. 255 Пол.),—утверждаются земли, *состоящія* въ постоянномъ потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи (земли амляковныя) на установленныхъ мѣстныхъ обычаяхъ основаніяхъ“, и далѣе—„государственныя земли, занимаемыя кочевьями, представляются въ бесрочное общественное пользованіе кочевниковъ на основаніи обычаевъ“ (ст. 270).

Замѣтимъ мимоходомъ, что „*обычаевъ*“—ни поземельныхъ, ни какихъ иныхъ—никто въ край не знаетъ, никто ихъ не привелъ въ извѣстность и не изучалъ (да простятъ мнѣ это замѣчаніе „знатоки края“!), а потому дважды упомянутое выраженіе: „на основаніи *обычаевъ*“, является только доказательствомъ осторожности государственнаго совѣта, а вовсе не заключаетъ въ себѣ какого-нибудь точнаго постановленія закона, и затѣмъ обязется, по ясному смыслу этихъ двухъ статей, что за осѣдыми жителями утверждено все то, что *состоитъ* въ ихъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, или, иначе говоря, за ними признано право собственности на земли, имъ фактически прежде принадле-

¹⁾ Въ управленіе генералъ-губернатора Розенбаха введенъ надзоръ за осѣдлымъ лѣсовъ.

жавшія и нынѣ принадлежація. Другими словами, законы эти означали, что за выясненіемъ, что состоитъ во владѣніи жителей, выяснятся и казенныя земли, и такимъ образомъ казна и жители благополучно размежуются, фикція будетъ предана забвенію, и казна станетъ эксплуатировать свои земли, а осѣдлые жители окончательно признаются собственниками ихъ земель.

Въ этомъ именно направленіи и были поведены работы. Долголѣтнее недоразумѣніе о принадлежности казнѣ всей земли категорично разрѣшилось, и вопросъ, что казенное и что частное—уже приблизился къ своему разъясненію въ ташкентскомъ уѣздѣ, (съ котораго начаты работы), когда въ сентябрѣ 1890 г. неожиданно было признано такое направленіе работъ неправильнымъ и даже опаснымъ, и злополучная, скажемъ болѣе—зловредная мусульманская фикція опять появилась на сцену.

Что эта фикція не только злополучная, но и зловредная, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. Благодаря ей, государство не приступало къ рѣшенію поземельнаго вопроса цѣлыхъ 25 лѣтъ; благодаря ей, государство не эксплуатировало своей собственности и не извлекало дохода изъ своихъ земель, и благодаря ей же произошелъ въ теченіе 25 лѣтъ захватъ многихъ несомнѣнно казенныхъ земель, потому что этихъ земель никто не охранялъ, ибо вся земля считалась казенною. Наконецъ, благодаря ей, обширный и богатый край не зналъ и понынѣ ничего не знаетъ, кромѣ систематическихъ дефицитовъ, а отъ высшей власти края, все въ ожиданіи разрѣшенія поземельнаго вопроса, періодически исходили крайне стѣснительныя распоряженія о поземельныхъ правахъ, и можетъ быть только благодаря тому, что распоряженія эти, основываясь на фикціи, были практически непримѣнимы, они не причинили того зла, которое могли бы сдѣлать, если бы ихъ исполняли.

Достойно лишь особеннаго вниманія, что отъ этихъ распоряженій болѣе всего потерялъ русскій элементъ въ край,—въ интересахъ котораго, будто бы, именно и дѣлались эти распоряженія. Все ожидалось, что послѣ признанія *всей* земли государственною окажутся необъятныя пространства земли, удобной для русскихъ поселеній; но пока вопросъ находился въ разрѣшеніи въ Петербургѣ, а жители расширяли да расширяли свои владѣнія, мѣстная власть, въ видахъ охраненія будущихъ своихъ земель отъ захвата, не находила сдѣлать ничего лучшаго, какъ время отъ времени распоряжаться о *прекращеніи* перехода недвижимой собственности то на всемъ пространствѣ Туркестана, то только въ уѣздахъ), и русскіе люди могли лишь путемъ незаконныхъ сдѣлокъ приобрѣтать недвижимость, а туземецъ, не взирая на эти распоряженія,

отчуждалъ и пріобрѣталъ свою собственность свободно, то по шаріату, то по адату, не подвергаясь никакому контролю и даже не платя никакихъ сборовъ.

Итакъ, зловредная фикція и прежде причиняла достаточно вреда, но въ виду того оборота, который приняли съ прошлаго года туркестанскія поземельныя работы, трудно еще предвидѣть, когда и гдѣ, наконецъ, кончится вредоносная ея роль.

Быть можетъ, скажутъ, однако, что это вовсе не фикція, и что имѣются достаточныя реальныя основанія считать мусульманскихъ государей единственными *собственниками* земли, а ихъ подданныхъ — только пользователями, пова это будетъ угодно правительству? — О власти мусульманскихъ государей надъ собственностью своихъ подданныхъ писалось довольно. Лучшіе изъ русскихъ знатовъ мусульманскаго права (напр., бар. Торнау) отвергаютъ совершенно таеую власть хановъ, или, иными словами, признаютъ наличность полной частной собственности въ мусульманскихъ странахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (необходимо добавить теперь же) признаютъ собственность надъ необработанной землей, также какъ надъ обработанной. Было бы напрасно, какъ утверждаютъ многіе изслѣдователи Востока ¹⁾, искать въ шаріатѣ какихъ-либо постановленій о несуществованіи частной собственности, не говоря уже о фактахъ, видимыхъ для всѣхъ и cadaго и ясно свидѣтельствующихъ, что населеніе Туркестана именно проявляетъ полное право собственности надъ всѣми орошенными и обрабатываемыми (хотя неорошенными) подъ посѣвы землями, т.-е. свободно ихъ отчуждаетъ и пріобрѣтаетъ; надъ землями же неорошенными проявляетъ нигѣмъ не ограничиваемое право владѣнія и пользованія, т.-е. пасеть скотъ, собираетъ камень, глину, песокъ, топливо и проч. и проч., и не отчуждаетъ земель этой послѣдней категоріи только потому, что никакой продажной цѣны на такія земли не существуетъ и ихъ никто не покупаетъ и не продаетъ.

Въ шаріатѣ, въ главѣ „объ оживленіи земель“, ясно изображенъ образъ такъ-называемаго „оживителя“ земли, который и получаетъ оживленную землю въ свою полную собственность. Въ той же главѣ говорится и объ обществѣ, которое *владеетъ* прилегающими въ селенію необработанными пространствами, необходимыми для пастбы скота и собиранія топлива. Далѣе, въ отдѣлѣ о копаніи оросительныхъ канавъ, описываются оросительныя работы „*товарищества*“ въ отличіе отъ разработки „*частныхъ ка*

¹⁾ Въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ 1885 г. (№ 28 и пр.) помѣщенъ рядъ очень интересныхъ статей по этому вопросу.

налогъ", и такимъ образомъ самъ собою устанавливается видъ коллективнаго владѣнія землями, расположенными по каналу. Стоитъ вчитаться въ эту главу шаріата, чтобы твердо установить, что, по ученію шаріата, земли орошенныя *принадлежатъ въ собственность* или отдѣльнымъ лицамъ, или товариществамъ, производившимъ оросительныя работы; земли же неорошенныя, поросшія травой и растеніями, годными для пастбищъ или топлива, принадлежать также въ собственность цѣлымъ обществамъ.

Шаріатъ, такимъ образомъ, не подтверждаетъ, а категорически опровергаетъ отсутствіе частной собственности и принадлежность всей земли хану. Но такъ-называемые знатоки края ухитрились вывести это положеніе путемъ, такъ сказать, совсѣмъ овольнымъ. Дѣло въ томъ, что, по шаріату, податному обложенію подлежатъ продукты земледѣлія, въ видѣ такъ-называемаго „хераджа“. Положеніе о томъ, что всякая обрабатываемая земля должна уступить въ казну хана часть добытыхъ продуктовъ, и навело, повидимому, ихъ на мысль, что частной собственности не существуетъ, а земля находится только въ пользованіи населенія; но кажется ясно, что принципъ податнаго обложенія производительности земли никакъ не можетъ исключить фактъ частнаго землевладѣнія, и все дѣло сводится только къ *формѣ* обложенія и взиманія подати.

Изъ этого можно уже заключить, что главнѣйшими источниками возникновенія вышеуказанной фикціи нужно считать не только недостаточное знакомство съ предметомъ и неизвѣстность мусульманскихъ законовъ, но въ особенности слишкомъ поспѣшное заключеніе первыхъ правителей края объ отсутствіи у мусульманъ частной собственности. Къ крайнему прискорбію, наши ученые оріенталисты вопросомъ этимъ занимались мало, а труды чиновниковъ уже, конечно, не представляли никакихъ солидныхъ данныхъ для подобныхъ заключеній, такъ какъ не только при завоеваніи края, но и теперь, спустя четверть столѣтія, собрано очень немного фактическихъ данныхъ о земельномъ владѣніи мусульманъ, благодаря чему злополучная фикція оказалась столь же зловредна, сколь живуча.

Здѣсь необходимо припомнить, что при первоначальной, какъ и при всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ практическаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ туркестанскаго управленія вообще и въ частности землевладѣнія на прочныхъ и правомѣрныхъ началахъ, всегда обнаруживались два противоположныхъ теченія, затруднявшихъ окончательное рѣшеніе вопроса. Съ одной стороны, смутно сознавалось, что Туркестанскій край, какъ сдѣлавшійся русскимъ,

долженъ, въ отношеніи устройства и управленія населеніемъ, приближаться въ формамъ и строю внутреннихъ частей имперіи, но съ другой—царило убѣжденіе, что примѣненіе общерусскихъ нормъ управленія и устройства населенія, будто бы, совершенно невозможно потому, что мѣстный бытъ представляется крайне самобытнымъ. Извѣстно, однако, что эти двадцатилѣтнія колебанія завершились введеніемъ общаго губернскаго учрежденія, общаго волостного и сельскаго устройства, общихъ судовъ стараго типа, общихъ законовъ о податяхъ и повинностяхъ, земскихъ, сословныхъ, общественныхъ,—и только въ отношеніи управленія иригаціонными каналами овозалось необходимымъ признать самобытную организацію,—но въ началѣ завоеванія и присоединенія края коллизія идей обрусенія края и непривосновенности традиціоннаго строя жизни мѣстнаго населенія, страшно смущала составителей проектовъ управленія краемъ (въ особенности относительно устройства землевладѣнія), и только десять лѣтъ назадъ (съ 1881 г.) идея обрусенія начинаетъ брать перевѣсъ. Можно ли это приписать тому, что вопросъ болѣе уяснился чрезъ 15 лѣтъ послѣ присоединенія края? Полагаемъ, что нѣтъ, — но въ эти пятнадцать лѣтъ уяснилось то, что простой здравый смыслъ и государственный интересъ внушаетъ намъ признать эту самобытность и мѣстные интересы лишь постольку, поскольку они не нарушаютъ общегосударственныхъ интересовъ.

Ради исторической справедливости нельзя не замѣтить, что какъ ни велико было желаніе не нарушать мѣстной самобытности и въ особенности оставить въ непривосновенности знаменитую фикцію, — но уже въ самомъ первомъ проектѣ объ устройствѣ края (въ 1867 г.) была сдѣлана попытка раздѣлить всѣ земли на государственныя и частныя, — только этотъ проектъ, какъ и всѣ послѣдующіе (до 1886 г.), не были утверждены, и фикція продолжала здравствовать.

Была также попытка изучить вопросъ о землевладѣніи по документамъ, и въ этихъ видахъ была собрана огромная масса ханскихъ и всякихъ грамотъ, казійскихъ рѣшеній и пр. и пр.; но къ изученію документовъ приступлено не было, и они были возвращены владѣльцамъ, а фикція все жила да жила ¹⁾.

¹⁾ Собраніе документовъ сопровождалось однимъ весьма важнымъ распоряженіемъ, а именно воспрещеніемъ, въ 1871 г., совершенія и свидѣтельствванія, во всѣхъ судахъ края (русскихъ и туземныхъ) актовъ о недвижимой собственности внѣ чертъ города Ташкента. Русскими судами это запрещеніе было исполнено, а въ туземныхъ никто не обратилъ на это вниманія, и переходъ недвижимой собственности такъ вершался всегда безпрятственно.

Чтобы покончить съ этой факціей, добавимъ, что есть убѣдительныя и осязательныя доказательства, что она чисто политическаго происхожденія. Въ сочиненіи Мэна („Деревенскія общины“), между прочимъ говорится, что при устройствѣ Нижней Бенгаліи лордомъ Корнваллемъ была сдѣлана попытка создать земельнаго собственника на манеръ существующаго въ Англіи. Какъ извѣстно, англичане въ Индіи, странѣ вовсе не мусульманской, также очень охотно усвоили идею, что вся земля составляетъ безусловную собственность государя, и что частная земельная собственность можетъ существовать лишь въ силу его дозволенія. Между прочимъ, очень помогли усвоить тамъ этотъ взглядъ тѣ должностныя лица изъ мусульманъ, которыя были сдѣланы такъ-называемыми *сборщиками податей* и въ своихъ интересахъ поддерживали этотъ будто бы мусульманскій взглядъ. Эти чиновники были лично заинтересованы въ отрицаніи частной собственности, а англійская *политика* была заинтересована въ принятіи этихъ взглядовъ, ибо это былъ прежде всего превосходный способъ держать въ повиновеніи многомилліонное населеніе Индіи. Потому-то Джонъ Кемпбелъ („Владѣніе и пользованіе землями въ различныхъ странахъ“ . Спб., 1871) говоритъ, что всѣ эти взгляды и вся система земельной собственности въ Индіи есть не что иное, какъ „результатъ обдуманной политики“.

Наша политическая система на окраинахъ была совсѣмъ иная. *Создавать* такой взглядъ намъ не было надобности—онъ просто былъ принятъ на вѣру, принятъ безъ всякой провѣрки; но всѣ лица, разсматривавшія постановленія шаріата внѣ какихъ-либо политическихъ вліяній, положительно утверждали существованіе частной земельной собственности въ магометанскихъ странахъ Востока, и при томъ не только по отношенію къ мусульманамъ, но и ко всѣмъ мѣстнымъ жителямъ покоренныхъ странъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. „Въ шаріатскихъ книгахъ сказано,—говоритъ бар. Торнау („Особенности мусульманскаго права“ . Дрезденъ, 1880, стр. 56),—что жители (всякіе—и мусульмане, и не-мусульмане) могутъ отчуждать земли, дарить, завладывать, завѣщать и распоряжаться всѣми тѣми способами, которые и въ западныхъ государствахъ предоставляются только полнымъ собственникамъ земли“.

Если въ этому добавить, что вопросъ о частномъ землевладѣніи на Востокѣ, и особенно въ мусульманскихъ странахъ, при одинаковыхъ условіяхъ рѣшается неодинаково, напр. въ Алжирѣ—французами, въ Индіи—англичанами, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ—русскими, то станетъ ясно, что основаніемъ къ тому

или другому рѣшенію служить вовсе не шаріатъ и не мусульманскіе взгляды, а та или другая политика. Такимъ образомъ, французы вводятъ въ Алжиръ частную поземельную собственность; англичане превращаютъ въ помѣщиковъ феодальнаго типа только своихъ вѣрныхъ слугъ, и наконецъ Россія признаетъ, хотя и съ несущественными оговорками (нужно соблюдать мѣстный обычай), полное право собственности своихъ мусульманскихъ подданныхъ, и все это дѣлается на основаніи, будто бы, мусульманскихъ взглядовъ на земельную собственность ¹⁾.

Чтобы повончить съ вопросомъ о частной земельной собственности въ мусульманскихъ странахъ, мы уважемъ главный аргументъ, заключающійся въ объяснительной запискѣ къ проекту 1881 г. Проектъ, поддерживая старую мысль о принадлежности всей земли хану, говоритъ: „права хана на распоряженіе земельною собственностью страны фактически осуществлялись взиманіемъ установленныхъ налоговъ съ земельныхъ имуществъ и въ надзоръ за непрерывною и продуктивною обработкою занятой почвы; трехлѣтнее запущеніе хозяйства, по шаріатскимъ постановленіямъ, было равносильно отказу владѣльца отъ дальнѣйшаго пользованія землею“.

Такъ говорить эта оффиціальная записка, но было бы совершенно напрасно искать въ шаріатѣ постановленій, подтверждающихъ это толкованіе. Тамъ можно найти постановленіе о потерѣ права на *заявленную* къ оживленію землю, если оживленіе не произведено въ теченіе трехъ лѣтъ; но земля разъ оживленная и впослѣдствіи сдѣлавшаяся безхозяйною, покинутая (по тѣмъ или другимъ причинамъ), если и обращалась опять въ число мертвыхъ земель, т.-е. дѣлалась ничьей, а государственной, то вовсе не по истеченіи трехъ лѣтъ, а гораздо болѣе продолжительнаго срока, въ шаріатѣ опредѣленно не указаннаго. Шаріатъ при этомъ категорически замѣчаетъ, что одна *заявка* на землю не

¹⁾ По свидѣтельству А. Н. Куропаткина (Турк. Вѣд. 1885 г., № 27, статья 2), поземельная реформа, произведенная въ Алжиръ ген. Шавзи, заключалась въ томъ, что изъ земель общинныхъ (аршъ) туземцамъ оставлены только тѣ, которыя они могутъ обработать, и, раздѣленныя на участки, земли эти переходятъ въ личную собственность туземцевъ. Остающіяся земли (изъ разряда аршъ, т.-е. общинныхъ) поступаютъ въ собственность государства, для раздачи переселенцамъ и частью остаются въ собственность цѣлымъ общинамъ. Кромѣ земель аршъ, есть земли государственныя (бейликъ) и частныя (меликъ). При этомъ французы организовали дѣла такъ, что всѣ постановленія по землевладѣнію туземцевъ, основанныя на мусульманскомъ правѣ, считаются недействительными, если они не согласны съ французскимъ сводомъ гражданскихъ законовъ, а потому каждому собственнику выданъ французскій документъ на владѣніе.

составляетъ оживленія, и трехлѣтній срокъ, подавшій поводъ къ неправильнымъ выводамъ, относится только до земель вовсе не оживленныхъ.

Такимъ образомъ, права хана, вопреки мнѣнію записки, вовсе не выражались въ отобраніи запущенныхъ земель въ казну; а что касается мнѣнія записки, что взиманіе налоговъ, будто бы, выражало собою право собственности на землю, то несостоятельность такого мнѣнія слишкомъ очевидна, и въ свое время весьма компетентные люди возразили запискѣ, что взиманіе налоговъ вовсе не служитъ препятствіемъ къ признанію права собственности на землю, какъ взиманіе торговыхъ пошлинъ не лишаетъ торговлю значенія свободной промышленности, взиманіе пошлинъ съ денежныхъ капиталовъ и недвижимостей не разрѣшаетъ ничьихъ правъ собственности на этотъ капиталъ, и даже бывшая подушная подать, существовавшая послѣ освобожденія крестьянъ, не дѣлала личности несвободною...

Путемъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ и разсужденій приходя къ окончательному заключенію, что идея принадлежности всей земли мусульманскимъ государямъ и отрицаніе правъ частной собственности на землю есть или заблужденіе, или принятая на вѣру фикція, или, смотря по обстоятельствамъ, результатъ хорошо обдуманной политики, — мы переходимъ къ вопросу, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ фикція эта вновь появилась и вновь призвана къ жизни послѣ того какъ туркестанское Положеніе 1886 г., казалось бы, поставило надъ ней крестъ, выражаясь языкомъ ташкентскаго корреспондента.

Эпизодъ вторичнаго призванія къ жизни фикція, такъ долго тормазившей рѣшеніе земельного вопроса въ Туркестанѣ, — эпизодъ, относящійся къ сентябрю прошлаго года, — представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ уже особеннаго вниманія по одной своей неожиданности.

Когда было обнародовано Положеніе 1886 г. ¹⁾, то вопросъ — признается ли отнынѣ, или нѣтъ, частная собственность, считался рѣшеннымъ. Законъ категорически объявлялъ мѣстныхъ обывателей собственниками „состоящихъ“ въ ихъ распоряженіи, пользованіи и владѣніи земель и отказывался отъ своихъ явно фиктивныхъ верховныхъ правъ на всю землю, будто бы преемственно переданныхъ къ русскому государю по завоеваніи страны. Этотъ рѣшительный шагъ — плодъ двадцатилѣтняго обдумыванія — представлялъ совершенно ясный исходъ изъ колебаній и сомнѣній, такъ давно

¹⁾ Введено въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 г.

томившихъ власти, — вся ли земля казенная, или есть и частная собственность въ Туркестанѣ, — еслибы новый законъ не былъ слегка затемненъ двумя пунктами, двумя маленькими оговорками. *Вопервыхъ*, признавалась полная собственность — „но по обычаю“, а *во вторыхъ*, признаваемая за жителями земли названы „амляковыми“.

Первый изъ этихъ пунктовъ былъ хотя болѣе темень, чѣмъ послѣдній, но выходъ изъ него оказался проще, чѣмъ изъ второго. Обычай, или какъ принято говорить — „мѣстный“ обычай, въ вопросахъ о землевладѣннн и пользованнн землей, какъ извѣстно, представлялъ нѣчто совершенно неизвѣстное и темное. Никто этихъ обычаевъ не собиралъ, никто ихъ не зналъ и не знаетъ, а потому ограниченн дарованнаго полнаго права собственности (владѣнн, пользованн и распоряженн) чѣмъ-то неопредѣленнымъ, чѣмъ-то неизвѣстнымъ, — не представляло, въ сущности, никакого ограниченн и на практикѣ не породило никакихъ затрудненн. Сложилось всеобщее убѣжденн, что за жителями признано полное право собственности, и что выраженн: „по обычаю“, было употреблено ради болшей осторожности.

И второй пунктъ также не представлялъ, повидимому, никакихъ затрудненн. Слово: „амлякъ“, „амляковыя земли“ — было слово давно извѣстное въ Туркестанѣ, и при господствовавшемъ единственномъ толкованн этого слова — *земли государственныя* — было ясно, что вся государственная, или доселѣ считавшаяся государственною, земля, состоявшая и состоящая въ полномъ владѣнн, пользованн и распоряженн жителей, признавалась ихъ собственностью, а осталная затѣмъ земля (не состоящая ни въ чьемъ владѣнн) уже поступала въ разрядъ государственной.

Какъ бы то ни было, на первыхъ порахъ, ни недоразумѣнн, ни неясностей оба эти пункта не возбуждали, и въ такомъ направленн и были поведены поземельныя работы и энергично, и успѣшно. Нужно только добавить, что законъ, такъ долго томившнся надъ вопросомъ — что казенное и что частное — и, наконецъ, рѣшившнйся признать частную собственность, былъ такъ милостивъ, что даже не требовалъ отъ жителей никакихъ письменныхъ доказательствъ ихъ правъ на землю, не требовалъ отъ нихъ никакихъ документовъ, а признавая одно лишь ихъ фактическое владѣнн, предоставлялъ самимъ же новымъ собственникамъ указать ихъ владѣнн — и только то, что было за грани этихъ владѣнн, казна оставляла въ свою собственность.

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношенн законъ проявилъ, быть можетъ, излишнюю снисходительность и несомнѣнно

поблажку къ неправильнымъ указаніямъ границъ, и возбудилъ, такъ сказать, излишніе аппетиты къ захвату земельной собственности; но противъ захватовъ всегда можно было принять мѣры, и онѣ на самомъ дѣлѣ были приняты. Во всякомъ случаѣ, вопросъ, что мое и что твое, разрѣшился удивительно ясно и просто. За долгое терпѣніе обыватели, хоть и не очень страдавшіе отъ зловредной фикціи,—отъ которой несравненно болѣе потерпѣла сама казна и русское населеніе,—но все-таки находившіеся подъ давленіемъ мысли, что вотъ-вотъ все объявить казеннымъ и начать собирать оброки, — вознаграждались сугубо: государство оставляло за собою только земли, ни въ чемъ фактическомъ владѣніи не состоявшія, и какъ бы спѣшило размежеваться съ жителями ¹⁾.

Работы, начатыя въ одномъ изъ уѣздовъ, именно ташкентскомъ, уже близились къ концу, и благодаря большому труду, приложенному для выясненія экономическаго положенія уѣзда, отрывалась картина тѣхъ богатствъ, которыми обладаетъ край (ташкентскій уѣздъ еще не изъ самыхъ культурныхъ). Жители показывали свои владѣнія, составлялись прекрасные планы хозяйственной сѣмьи, приводился въ извѣстность до мелочей мѣстный сельско-хозяйственный строй и получалась такая картина общаго богатства, что Туркестанскій край, привышій къ хроническому дефициту, обѣщаль въ очень недалекомъ будущемъ, на основаніи самыхъ точныхъ данныхъ, значительное превышеніе мѣстныхъ доходовъ надъ расходами, — когда внезапно, — именно внезапно, единымъ почеркомъ пера, — работы, какъ *неправильныя* и *опасныя*, были остановлены, и на смѣну только-что благополучно устраненной фикціи явилось новое недоразумѣніе, и при томъ очень даже родственное только-что преданной забвенію фикціи.

Все дѣло въ томъ, что вдругъ показался ужасный признакъ полнаго обездоленія казны, „если такія работы будутъ продолжаться“. Усердные охранители казеннаго интереса забили тревогу и объявили, что слово „амляковья“ вовсе не означаетъ „государственныя“, а означаетъ только „обработанныя *юсударственныя* земли“, и если за жителями будутъ размежевывать тѣ земли, которыя состоятъ въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, а слѣдовательно, и земли необработанныя, то казна будетъ совершенно обездолена, и у нея никакихъ земель не останется. При новомъ толкованіи слова „амляковья“,

¹⁾ Въ запискѣ госуд. совѣта прямо сказано, что если жители укажутъ что-либо неправильно въ числѣ своихъ владѣній, то казна предоставляетъ себѣ право вполнѣ изъять такія земли изъ неправильнаго владѣнія, путемъ судебныхъ исковъ.

тогда установилось такое совершенно новое положеніе: за жителями признаются земли, не дѣйствительно состоящія въ ихъ владѣніи, а только однѣ обработанныя, и ни пяди необработанной.

Какъ ни мало-ожиданнымъ представлялось это новое толкованіе, — ибо нельзя даже себѣ рѣшительно представить на свѣтѣ такого поземельнаго владѣнія, которое состояло бы сплошь изъ однѣхъ обработанныхъ земель, и нѣтъ имѣнія, гдѣ бы не было пустошей, овраговъ и такъ-называемыхъ неудобныхъ земель, — но новое толкованіе, въ интересахъ будто бы казны, было одобрено и принято, не взирая ни на какіе доводы ¹⁾. Мало того, въ похвальномъ стремленіи охранить казенныя земли отъ неправоуказаннаго заглавья за жителями, блюстители интересовъ казны пошли еще дальше, и толкованіе слова „амляковья“ сѣздили такъ, что оказалось подъ этимъ словомъ нужно разумѣть уже не просто обработанныя земли, а только земли, обработанныя подъ искусственное орошеніе, и когда оказалось, повидимому, для самаго начальства довольно неожиданно, что существуетъ масса земель обработанныхъ, но не подъ искусственное орошеніе, а что называется подъ дождь (земли богарныя), то, нисколько этимъ не смутясь, не поколебались и эти, хоть и обработанныя, земли зачислить также въ число государственныхъ, будто бы находящихся не въ собственности, а только въ *безсрочномъ пользованіи остьдлао населенія* ²⁾.

Произошло невообразимое смѣшеніе понятій и полнѣйшее недоразумѣніе. Вслѣдствіе новаго неожиданнаго толкованія слова „амляковья“, обывательскія владѣнія вдругъ сократились гдѣ на половину, гдѣ на двѣ и одну треть, гдѣ вовсе не оказалось никакихъ владѣній, а оказалось одно *пользованіе* ³⁾. Далѣе оказались казенными всѣ пустоши, выгоны, пастбища, камышевыя заросли, галечныя росыши и даже самыя маленькія болота, находящіяся между культурными землями, — однимъ словомъ, всякій клочокъ необработанной земли. Все это попало въ число казенныхъ *государственныхъ* земель, „какъ никому въ особенности не принадлежащихъ“ (ст. 406, т. X, ч. I). Туземные обыватели сначала ничего не поняли, а потомъ сообразили, что не можетъ же быть государственныхъ земель только по одному названію, и что если казна

¹⁾ Въ ст. 12 правилъ поземельнаго устройства указывается, какія свѣденія должны входить въ такъ-называемый податной разсчетъ, и пунктъ 5 требуетъ означать и странство земли, *дѣйствительно* обработанной подъ всякаго рода произростаніи.

²⁾ О такомъ видѣ владѣнія не вѣдается ни одного слова въ Положеніи 1886

³⁾ Много поселеній существуетъ исключительно на богарныхъ земляхъ, т.-е. имѣющихъ искусственной ирригаціи.

да захочетъ, не дай Господи, эксплуатировать всё оказавшіяся въ моментъ снятія на планъ необработанныя земли и начнетъ отдавать ихъ въ аренду или постороннее пользованіе, или для новыхъ поселеній, то мѣстнымъ обывателямъ не станетъ житья, и даже на ихъ обработанныя земли не будетъ ни прохода, ни проѣзда... Въ перспективѣ представлялись нескончаемыя нарушенія то казенныхъ, то частныхъ владѣній и всё сопряженныя съ этимъ невзгоды. Но умыслившій совершить реформу чиновникъ обыкновенно не задумывается не только надъ дальнѣйшими, но и надъ ближайшими послѣдствіями своей реформаторской дѣятельности. Ему важенъ эффектъ и соблазнительная слава: *исправить* ошибки предмѣстника и „разяснить“ его заблужденія, а потому все живое, практическое, очень успѣшно подвигавшееся впредь дѣло размежеванія стало, а новорожденное *недоразумѣніе* поѣхало на рѣшеніе въ Петербургъ...

Когда одному крупному туземному землевладѣльцу объявили, что изъ всей своей земли онъ *отнынѣ* владѣть только обработанной частью и болѣе ничѣмъ, а остальная признается землею казенною, государственною, онъ, десятки лѣтъ владѣвшій и пользовавшійся и необработанной землею и заплатившій за нее въ свое время деньги, весьма усомнился въ правильности новаго толкованія, и положивъ, по восточному обычаю, въ ротъ палецъ изумленія, спросилъ:—Почему такъ? — „Потому что ты не обработаешь эту землю“,—отвѣчали ему. — Но я намѣренъ обработать ее въ будущемъ году,—возразилъ землевладѣлецъ.— „Но теперь она не обработана,—отвѣчали ему хранители казеннаго интереса,—и потому она государственная!“

— Понимаю!—наконецъ сообразилъ землевладѣлецъ. — Халаты, который я ношу, принадлежить мнѣ, потому что я его ношу; а тѣ халаты, которые у меня лежатъ въ сундукѣ, — мнѣ не принадлежать, потому что я ихъ не ношу?!..

Все это случилось на четвертый годъ поземельныхъ работъ и, конечно, представляется крайне интереснымъ—какъ окончательно разберутся казна и частныя лица въ своихъ владѣніяхъ, и долго ли продержится этотъ новый взглядъ на государственныя земли, —взглядъ очень-таки сродни съ только-что отжившею фижіей...

На этомъ, впрочемъ, не кончаются туркестанскія поземельныя недоразумѣнія.

II.

БОГАРА.—ЧАСТНЫЕ ВЛАДѢЛЬЦЫ.—ХЛОПОВЪ.

Печальная судьба туркестанскихъ поземельныхъ работъ, завершившаяся полнымъ ихъ неодобреніемъ, съ постановкой „креста“, была, какъ водится, объяснена однимъ лишь недоразумѣніемъ, а виновнымъ въ недоразумѣніи оказался, разумѣется, не кто иной, какъ государственный совѣтъ, написавшій, будто бы, неясный законъ! Точно такимъ же недоразумѣніемъ, какъ извѣстно, была въ свое время объяснена приостановка поземельныхъ работъ въ томъ же ташкентскомъ уѣздѣ при генералѣ Черняевѣ въ 1882 году, и, конечно, было всего удобнѣе свалить вину на неясность закона, особенно когда „недоразумѣніе“ обходилось такъ дорого и могъ возникнуть вопросъ о чьей-либо отвѣтственности. Ферганское недоразумѣніе также обошлось казнѣ въ 833 тыс. руб. и шесть лѣтъ работъ; недоразумѣніе ташкентское стоило четырехъ лѣтъ работъ и не менѣе полумилліона казенныхъ денегъ (не считая расходовъ населенія).

Объ устраненіи недоразумѣнія было, обычнымъ порядкомъ, возбуждено ходатайство; — представленіе о разясненіи закона пошло куда слѣдуетъ, и, какъ казалось, не поздно открылось это недоразумѣніе; можно было только радоваться, что сравнительно оно открылось еще рано, потому что чрезъ десятокъ-другой лѣтъ „недоразумѣніе“ грозило разрости до колоссальныхъ размѣровъ и принести казнѣ милліонные убытки. Въ настоящую минуту уже прошло болѣе года, какъ недоразумѣніе находится въ разясненіи; но такъ какъ весь персоналъ поземельныхъ податныхъ учреждений состоитъ также на-лицо и работы не могутъ быть приостановлены, то въ ожиданіи законодательныхъ разясненій туркестанское начальство дало пока свои мѣстныя толкованія неяснымъ законамъ, работы же продолжаются, но „въ новомъ направленіи“, и начальство ожидаетъ, что мѣстныя разясненія совпадутъ съ законодательными — и все будетъ хорошо.

По особому степенію обстоятельствъ въ Туркестанскомъ краѣ такъ привыкли къ „недоразумѣніямъ“, что и это послѣднее не вызвало большого волненія. Начиная съ недоразумѣнія объ отсуствіи въ краѣ частной собственности, продолжая затѣмъ ферганскія поземельными работами, закончившимися извѣстнымъ уже недоразумѣніемъ, переходя затѣмъ къ первымъ работамъ въ ташкентскомъ уѣздѣ, начатымъ въ 1879 году, при генералѣ Кауфманѣ, и ост

новлепнымъ генераломъ Черняевымъ, не вслѣдствіе даже недоразумѣнія, а вслѣдствіе *опасенія* недоразумѣній, и кончая отерятою въ сентябрѣ 1890 г. неясностью закона,—все это представляло какъ бы одно непрерывное недоразумѣніе, и потому-то послѣднее изъ нихъ никого особенно не поразило. Ну что-жъ, недоразумѣніе, такъ недоразумѣніе,—спокойно свазали туркестанскіе дѣятели. Будемъ разяснять!

Оставляя въ сторонѣ всѣ практическія послѣдствія, вызванныя новымъ взглядомъ на казенныя земли ¹⁾, необходимо остановиться на источникѣ того послѣдняго недоразумѣнія, которое обошлось казнѣ въ полъ-милліона рублей, не считая тѣхъ потерь, которыя произойдутъ отъ пріостановленія работъ ²⁾.

Весь вопросъ заключался въ томъ—нужно ли подъ „амляковьями“ землями разумѣть только обработанныя подъ искусственное орошеніе земли, или „амляковья“ значить просто *государственныя*—и ничего болѣе.

По вопросу о томъ, что такое амляковья земли, въ мѣстной литературѣ писалось и говорилось не особенно много. Туземное слово это никогда разногласій и сомнѣній не возбуждало, и до самаго сентября 1890 года, когда этому термину было впервые придано значеніе „казенныхъ земель, обработанныхъ подъ искусственное орошеніе“, слово амляковья означало просто „государственныя“.

Не приводимъ здѣсь ни авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, ни грамматическихъ и логическихъ толкованій этого злополучнаго термина (безъ достаточной необходимости употребленнаго въ ст. 255 Положенія), не будемъ, наконецъ, ссылаться на авторитетъ мусульманскихъ законовѣдовъ и ограничимся немногими доводами.

Достойно прежде всего замѣчанія то, что такое толкованіе явилось впервые послѣ двадцати-пяти лѣтъ владѣнія краемъ. Затѣмъ не менѣе достойно упоминанія, что при поземельномъ устройствѣ Ферганской области, длившемся шесть лѣтъ, таковаго значенія слову „амляковья“ никогда не придавалось, и равнымъ образомъ ничего

¹⁾ Послѣдствія эти слѣдующія: снятые планы нужно передрать; такъ-называемые податные расчеты, уже объявленные населенію, нужно также передрать (исключить отсюда всѣ вновь объявившіяся казенныя земли) и вновь объявить населенію; и наконецъ признаки, поставленные по границамъ обывательскихъ владѣній, перенести на новую границу, т.-е. вымежевать богарныя поля, выгоны, болота и всѣ необработанныя земли, которыя сдѣлались теперь казенными, и т. д., и т. д.

²⁾ Новое поземельное обложеніе должно было увеличить государственный доходъ на 40—50%, и взиманіе новой поземельной подати предполагалось начать съ 1892 г.

подобнаго этому толкованію нельзя найти ни въ объяснительной запискѣ государственнаго совѣта къ Положенію объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, ни въ самомъ Положеніи. Наконецъ, не лишнее будетъ замѣтить, что если „амляковыя“ земли суть только обработанныя подъ искусственное орошеніе, то какимъ же терминомъ обозначается вся прочая земля, т.-е. необработанная, когда, кромѣ „амляковыя“, никакого термина неизвѣстно?

Въ частности особенно важнымъ является вопросъ, куда отнести — къ государственнымъ или частнымъ землямъ — такия земли, которыя хоть и обрабатываются, но не при помощи искусственнаго орошенія, а подъ дождевую влагу, какъ въ большей части внутренней Россіи? Земли эти, называемыя здѣсь *богарными*, всегда считались, какъ и земли искусственно орошенныя, принадлежащими жителямъ, но въ сентябрѣ 1890 года, въ виду принятія новой земельной терминологіи, неожиданно попали также въ категорію государственныхъ.

Однако, если было легко создать, въ дополненіе къ только-что отжившей фякціи, еще новую и объявить государственною собственностью всякій необработанный и непригодный къ обработкѣ клочокъ земли, лежащій между обывательской культурой, то не такъ-то легко было это сдѣлать съ богарными полями; объявить ихъ государственнымъ достояніемъ не имѣло разумнаго основанія уже потому, что поля эти находятся и всегда находились въ фактическомъ владѣніи и распоряженіи жителей. Но туркестанскіе власти нашли такой изъ этого затрудненія исходъ: онѣ объявили богарныя земли государственнымъ, но находящимися „*въ обычномъ пользованіи*“ населенія.

Такъ-называемый богарный вопросъ всегда представлялъ нѣкоторыя недоразумѣнія, къ разъясненію которыхъ, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, никакого старанія приложено не было, и только съ 1887 года, при генераль-губернаторѣ Розенбахѣ, были выяснены особенныя свойства богарнаго хозяйства.

Нужно прежде всего замѣтить, что существовавшее прежде и нынѣ существующее представленіе о такъ-называемой богарѣ еще невѣроятно сбивчиво. Для большинства, „*богара*“ — это посѣвы на горахъ, и притомъ на самыхъ высокихъ и мало доступныхъ. Еще не болѣе года назадъ одинъ мѣстный генераль, разъясняя заѣзжему сановнику, что такое „*богара*“, указывалъ головой куда-то очень высоко, въ районъ вѣчныхъ вѣтровъ и сѣговъ, гдѣ не только богарныя посѣвы, но и никакая жизнь невозможна. Богара, по представленію многихъ, это какіе-то клоч (непремѣнно клочки) земли на горахъ (непремѣнно на горахъ

случайно кѣмъ-то распаханныхъ (непремѣнно случайно и непремѣнно кѣмъ-то), въ надеждѣ, что Богъ дастъ дождь и что-нибудь да выростетъ. Большинство представляетъ себѣ богару именно такой землей, которая будто бы ни въ чьемъ владѣніи не состоитъ, никому въ особенности не принадлежитъ, и гдѣ можетъ пахать всякій, кому угодно. Пришелъ охотникъ, увидѣлъ хорошій клочокъ земли, возложилъ надежду на милость Божию и началъ пахать и сѣять—вотъ это и есть богара. Такъ думаютъ многіе, не исключая и многихъ начальствующихъ лицъ.

Неправильное представленіе о богарѣ ведетъ естественно къ неправильнымъ о ней заключеніямъ. Достаточно взглянуть на снятые уже планы, чтобы убѣдиться, что богара находится вовсе не на горахъ, а большею частью совсѣмъ на плоскости; что богара или вплотную прилегаетъ къ искусственно орошенной культурѣ, или находится среди нея, такъ сказать, вкрапленная въ нее мелкими площадками, или на недалекомъ отъ нея разстояніи; что богара вовсе не случайна, а столь же постоянна, какъ ирригаціонныя посѣвы; что она часто и легко можетъ быть обращена подъ орошеніе, но это не дѣлается просто по недостатку воды, и, наконецъ, что богара вовсе не есть клочки распаханной, гдѣ кому вздумается, земли, а значительныя, иногда огромныя пространства сплошныхъ посѣвовъ, и представляетъ такое же прочное и постоянное владѣніе, какъ искусственно орошенная культура, — а населеніе не только никакихъ постороннихъ пришельцевъ на свою богару не пускаетъ, но среди самихъ жителей извѣстнаго поселка есть ея постоянныя владѣльцы.

Искони, среди свѣдущихъ лицъ, такъ и считалось, что богара принадлежитъ жителямъ и составляетъ ихъ собственность. Уже не говоря про то, что въ мѣстной губернской администраціи никогда другого взгляда на богару не существовало, весь „совѣтъ генераль-губернатора“ до конца 1890 года единогласно стоялъ за то мнѣніе, что богара точно также утверждена за населеніемъ, какъ и искусственно орошенныя земли. Не болѣе десяти лѣтъ назадъ, при работахъ въ Ферганской области, богара размежевалась за жителями *по желанію* владѣльцевъ и не зачислялась за населеніемъ только тогда, когда оно само отъ нея отказывалось, не желая платить поземельную подать. Одно уже это обстоятельство, кажется, ясно свидѣтельствуетъ, что еще десять лѣтъ назадъ возрѣнія на принадлежность жителямъ богары существенно отличались отъ новыхъ взглядовъ, — и если тогда признавалось возможнымъ зачислять богару за населеніемъ, то это уже являлось, что она считалась собственностью населенія, а не нахо-

дящуюся только въ „обычномъ пользованіи“, какъ это думаютъ нынѣ.

Мало того. Имѣются документы, удостовѣряющіе, что жители, какъ собственники, отдають богару въ аренду постороннимъ лицамъ; имѣется рядъ свидѣтельствъ самаго официальнаго характера о томъ, что населеніе владѣть и распоряжается богарой, какъ своею собственностью, и до сихъ поръ не было пока представлено ни одного факта, который бы удостовѣрялъ, что богара существуетъ на какомъ-либо иномъ правѣ, а не на правѣ собственности ¹⁾.

Наконецъ, шаткость толкованій слова „амлябовья“ подтверждается однимъ чисто практическимъ соображеніемъ. По новымъ воззрѣніямъ выходитъ, что жителямъ принадлежитъ только та земля, которая въ моментъ съемки на планъ окажется обработанною подъ искусственное орошеніе. Но съемка пока производится въ одномъ уѣздѣ, и въ одномъ-то уѣздѣ длится уже 5—6 лѣтъ. Спрашивается: возможно ли допустить, чтобы правительство признавало за жителями большее или меньшее количество земли въ зависимости отъ времени съемки? Въ ташкентскомъ уѣздѣ съемка производится въ 1887—1892 годахъ, и за жителями будетъ признано то, что въ эти годы оказалось подъ культурой; съемка въ Самаркандѣ будетъ производиться позднѣе, при большемъ развитіи культуры, и значить за самаркандцами будетъ отмежевано земли гораздо болѣе, чѣмъ они владѣли въ моментъ изданія закона объ утвержденіи за ними земли, „состоящей“ въ ихъ собственности. Съемка ауліатинскаго и чембентскаго уѣздовъ будетъ производиться еще позднѣе, можетъ быть чрезъ десять-пятнадцать лѣтъ, и эти уѣзды будутъ имѣть предъ самаркандцами и ташкентцами преимущество, успѣвъ въ теченіе этихъ 10—15 лѣтъ захватить и разработать много свободной земли и получить въ свое владѣніе то, что землемѣръ найдетъ чрезъ 10—15 лѣтъ обработаннымъ подъ искусственное орошеніе. Что такое совершенно безпрепятственное расширеніе своихъ владѣній вполне возможно, объ этомъ было говорено ранѣе, и уже было выше объяснено, что казна, благодушно считая все своимъ государственнымъ достояніемъ, до сихъ поръ не приступила къ выдѣлу своихъ владѣній ²⁾.

¹⁾ Авторы, писавшіе о землевладѣніи въ Туркестанскомъ краѣ, никогда не упоминали никакой разницы въ правахъ владѣнія искусственно орошенной и богарой землей, напр., Л. Н. Соболевъ, Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. IV, стр. 153—168.

²⁾ О необходимости такого выдѣла были сдѣланы предположенія, но приняты не были.

Едва ли что-либо подобное имѣлось въ виду,—но такой выводъ составляетъ естественное слѣдствіе того взгляда, что за жителями утверждена только оказавшаяся при съемкѣ искусственная культура. Даже въ самомъ ташкентскомъ уѣздѣ мѣстности, снятыя въ 1890 году, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ снятыя въ 1887—1889 гг., потому что жители расчищаютъ свои посѣвы систематически, и такимъ образомъ чѣмъ позднѣе будетъ съемка, тѣмъ менѣе останется свободныхъ казенныхъ земель¹⁾. Кажется, болѣе произвольнаго толкованія обывательскихъ правъ на землю и вмѣстѣ съ тѣмъ наименьшаго соблюденія интересовъ казны нельзя и допустить?!

Чтобы покончить съ богарнымъ и амляковымъ вопросами и еще разъ указать, какой крупный переворотъ вызывается новымъ толкованіемъ слова „амляковья“, намъ остается связать еще нѣсколько словъ. Вопреки существующему, преимущественно среди начальствующихъ лицъ, убѣжденію, что богара — это какіе-то клочки земли, да еще на высокихъ горахъ, — можно, съ документами въ рукахъ, утверждать, что богарныя поля, *во-первыхъ*, громадны, а *во-вторыхъ*, что во многихъ и многихъ мѣстахъ они составляютъ для исконнаго осѣдлаго населенія не только главный, но и единственный источникъ существованія. Благодаря новому толкованію слова „амляковья“, эти коренные земледѣльцы, не имѣющіе искусственно орошенныхъ полей, выбрасываются нынѣ изъ числа собственниковъ и оказываются сидящими на казенной землѣ. По полученнымъ уже свѣденіямъ, богара составляетъ не менѣе 11% всей обработанной поверхности ташкентскаго уѣзда, и по 15 волостямъ, снятымъ на планы до 1 апрѣля 1890 г., оказалось на 650 тыс. дес. всей обывательской земли — 84 тысячи десятинъ богары²⁾.

Приведенныя цифры говорятъ сами за себя, и потому понятно все громадное недоразумѣніе, возникшее изъ-за новаго толкованія слова „амляковья“...

Но толкованія — толкованіями, а самый главный вопросъ заключается въ томъ, какія же ожидаются практическія послѣдствія этого толкованія? Поступать ли богарныя и всѣ необработанныя земли въ списки казенныхъ владѣній и въ вѣдомство государственныхъ имуществъ? Отбери ли казна отъ жителей ихъ бо-

¹⁾ Планы съемки ташкентскаго уѣзда въ 1882 г., по сравненіи съ послѣдними и нами, показываютъ, что многія прежнія болота уже обращены въ пашни. Въ 182 г. считалось, что во владѣніи жителей ташкентскаго уѣзда находятся до 780 тыс. десятинъ земли; въ 1889 году уже считалось ихъ до 900 тыс. десятинъ.

²⁾ Изъ 217 снятыхъ дачъ — богара оказалась въ 109 дачахъ.

гарныя земли и сама займется ихъ эксплуатаціей, или оставить ихъ во владѣніи и собственности жителей,—но назоветъ это владѣніе— „обычнымъ пользованіемъ“, какъ придумали уже мѣстные чиновники ¹⁾? Пойдутъ ли богарныя земли подъ русскія поселенія (этого туземцы особенно опасаются), или казна начнетъ отдавать въ аренду свои новыя обширныя владѣнія, неожиданно у нея оказавшіяся, единственно вслѣдствіе новаго толкованія стараго термина „амляковья“ ²⁾?

Разумѣется, ничего подобнаго не предполагается. Жители какъ есть, такъ и останутся впредь фактическими владѣльцами богары; они, по прежнему, будутъ ее обрабатывать, отчуждать, арендовать, всячески пользоваться,—и въ результатѣ всей реформы окажется: *во-первыхъ*, еще одна фикція—въ видѣ государственныхъ земель, не состоящихъ во владѣніи и распоряженіи казны ³⁾; *во-вторыхъ*, совершенно напрасное смущеніе населенія, и *въ-третьихъ*, новыя, совсѣмъ лишнія работы по разграниченію будто бы частныхъ и казенныхъ владѣній, а въ сущности однихъ и тѣхъ же частныхъ,—но подъ разными названіями.

И вся эта сложная процедура возникла единственно изъ-за опасенія—какъ бы жители не захватили казенныхъ земель. Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ казна довольно равнодушно взираетъ на расширеніе обывательскихъ владѣній и, въ виду царившей фикціи, старалась какъ можно менѣе проявлять признаки своего владѣнія всей землею. Ни разу даже не было предпринято съемоковъ казенныхъ земель. Вопреки ясному требованію закона, не допускающаго „безмѣрныхъ владѣній“,—владѣнія повсюду были дѣйствительно безмѣрны (кромѣ городовъ); когда же администраціи показалось, что обывательскія претензіи и захваты грозятъ ей обездоленіемъ, она не придумала ничего лучшаго, какъ дать новое толкованіе слову „амляковья“, и успокоилась, назвавъ казенными

¹⁾ Такого термина въ законѣ нѣтъ. Упоминаемое въ ст. 270 Пол. *безсрочное общественное пользованіе киргизскими кочевьями* не можетъ относиться до *основныхъ* владѣній богары.

²⁾ Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ—пространства богарныхъ полей громадны. Въ одномъ каттн-курганскомъ уѣздѣ (Самарк. об.) ихъ имѣется до 200 тыс. танановъ (40 т. дес.), давшей доходу въ 1887 г.—22 тыс., 1888 г.—64 тыс., въ 1889 г.—94 тыс. руб. Повемельный налогъ съ богары доходитъ въ этомъ уѣздѣ до 2 руб. съ десятины (вмѣстѣ съ земскимъ сборомъ). Вообще въ Самаркандской обл. повемельный налогъ на богару былъ въ 1887 г.—1 р. 20 к., въ 1888 г.—1 р. въ 1889 г.—1 р. 60 к.—съ десятины.

³⁾ При обсужденіи туркестанскаго Положенія бывшій министръ внутреннѣ дѣлъ гр. Толстой протестовалъ противъ созданія „казенныхъ земель, не находящихъ во владѣніи казны“ (См. Зап. Государств. Совѣта).

всѣ, частью уже отмежеванныя, а частью еще не отмежеванныя въ тапкентскомъ уѣздѣ за жителями негодныя земли, болота, галечники, овраги, камыши и проч., а изъ богарныхъ земель создавъ „казенныя земли, не находящіяся въ распоряженіи казны“, и даже объявивъ своими всѣ невоздѣланныя клочки земли между обывательскою культурой. Но такъ сдѣлано только относительно тапкентскаго уѣзда. Во всѣхъ прочихъ уѣздахъ не сдѣлано пока ровно ничего, и, за невымежеваніемъ казенныхъ земель, весьма вѣроятно, что тамъ, т.-е. въ другихъ уѣздахъ, и впослѣдствіи будетъ происходить безпрепятственное расширеніе обывательскихъ владѣній, и только чрезъ 5—10—15 лѣтъ придетъ землеѣръ и, нанеся на планъ всѣ оказавшіяся къ тому времени папши, объявить ихъ собственностью жителей, а все, что къ тому времени не успѣютъ захватить, или чему не успѣютъ дать видъ обработанной земли (это дѣлается очень легко), будетъ объявлено казеннымъ. Также казенною объявятъ и богару, но оставятъ въ „обычномъ пользованіи“.

Кажется, при такомъ хозяйствѣ количество годныхъ казенныхъ земель (а годныя только и представляютъ интересъ) не увеличится?

Руководятся ли въ такихъ мѣрахъ истинно государственными интересами и соображеніями—спрашивать не надо. Не проще ли было казнѣ отстаивать при межеваніи свои владѣнія тѣмъ же путемъ, какъ отстаиваютъ жители, т.-е. присутствовать, въ лицѣ своихъ агентовъ, при съемѣ плановъ и признавать за жителями не то, что они указываютъ, а то, что дѣйствительно носить какіе-либо признаки ихъ владѣній? Не размежевались ли бы тогда казна и жители полюбовно, не принимая насильственныхъ мѣръ и не прибѣгая къ натянутымъ толкованіямъ давно извѣстныхъ туземныхъ словъ? Не стала ли бы тогда казна владѣлицей земель годныхъ и удобныхъ, а не болотъ, пустынь, галечниковъ и никому не нужныхъ овраговъ? Но самое, конечно, правильное было бы первоначальное вымежеваніе казенныхъ земель и затѣмъ уже разграниченіе обывательскихъ владѣній между собою ¹⁾.

¹⁾ Въ сентябрѣ 1890 г. сдѣлано въ Туркеставѣ распоряженіе, чтобы земли обработываемыя, но искусственно не орошенныя (богара), и земли вовсе не обработываемыя не переходили по документамъ, совершаемымъ въ народныхъ судахъ. Для этого приказано слѣдить за актовыми книгами народныхъ судовъ. Мѣра эта отнюдь не серьезная. Такое же воспрещеніе перехода недвижимой собственности уже было сдѣлано еще въ 1871 г., но это не мѣшало нисколько переходу земель. Туземные документы совершаются безъ всякихъ актовыхъ книгъ и слѣдить за этими книгами, не-давно введенными и совершенно еще не усвоенными населеніемъ, нѣтъ рѣшительно никакой возможности.

Вмѣсто всего этого, вмѣсто принятія дѣйствительныхъ мѣръ, предпочли успокоиться на новой фикціи, и едва-ли нужно пояснить, что новое толкованіе термина „амляковья“ не сохранитъ за казной ея земель, но поведетъ только въ большому замедленію съемочныхъ работъ ¹⁾. Вся тяжесть практическихъ послѣдствій этого толкованія отзовется также только на казнѣ и пострадаетъ только она одна: она лишится, по случаю новаго пріостановленія поземельныхъ работъ, своихъ законныхъ доходовъ, она будетъ терпѣть привычныя ей дефициты ²⁾, а въ исторіи туркестанскихъ поземельныхъ недоразумѣній запишется еще одно и при томъ очень крупное.

Не пора ли—позволимъ себѣ спросить—покончить съ этими недоразумѣніями? Еще двѣнадцать лѣтъ назадъ, при генералѣ Кауфманѣ, было приступлено къ устройству ташкентскаго уѣзда, но послѣ двухъ лѣтъ работъ, генераль Черняевъ прекратилъ ихъ, „опасаясь, чтобы онѣ не привели къ такимъ же неудовлетворительнымъ результатамъ, какъ въ Ферганѣ“ ³⁾. Преемникъ генерала Черняева, генераль Розенбахъ, успѣлъ исходатайствовать въ 1887 г. возобновленіе работъ; но въ 1890 году генераль Вревскій пріостановилъ ихъ опять,—пріостановилъ наканунѣ окончанія, — и также „опасаясь“ на этотъ разъ замежеванія казенныхъ земель.

Не пора ли—спросимъ еще разъ—покончить съ этими недоразумѣніями и колебаніями ⁴⁾?

Сама судьба была, повидимому, противъ окончательнаго выясненія туркестанскаго поземельнаго вопроса, такъ давно и такъ напрасно ожидавшаго своего рѣшенія. Едва порѣшили съ „бо-

¹⁾ Уже практически выяснено, что при снятіи на планы однихъ обработанныхъ подъ ирригацію пространствъ съемка сдѣлалась медленнѣе въ два съ половиною раза, вслѣдствіе необыкновенно извилистаго очертанія обработанныхъ полей, — не говоря уже про то, что съемка на планъ одной культуры не даетъ о мѣстности никакого понятія.

²⁾ За первые 16 лѣтъ управленія Туркестанскимъ краемъ дефицитъ выразился въ 105 милліоновъ руб. Въ 1884 г. дефицитъ былъ наименьшій, но все-таки въ 1.720.000 руб.

³⁾ Приказъ генерала Черняева 20 декабря 1882 г., № 329.

⁴⁾ Во что обходятся государству эти колебанія — можно судить по слѣдующимъ : по официальнымъ свѣдѣніямъ за 1882 г., Ферганская область, имѣвшая 548.265 орошенной земли, платила 1.318.000 руб. податей, а Сыръ-Дарьинская область и равшанскій округъ, имѣвшіе до 900.000 дес. орошенной земли, платили тожъ : 1.035.000 руб.

гарнымъ вопросомъ* и жителямъ стало извѣстно, что имъ принадлежить только земля обработанная подѣ искусственное орошеніе, — а все прочее объявляется казеннымъ, — какъ одновременно съ этимъ народилось новое недоразумѣніе. На этотъ разъ оно сосредоточилось на вопросѣ—*что такое частный владѣлецъ* и какимъ поземельнымъ налогомъ его обложить?

Еще при самомъ началѣ поземельныхъ работъ послѣдняго періода, т. е. въ 1887 г., вопросъ этотъ уже былъ возбужденъ и тогда же рѣшенъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, — но это не помѣшало тому же вопросу и почти въ той же формѣ возродиться въ 1890 году и быть перерѣшеннымъ какъ разъ въ смыслѣ противоположномъ рѣшенію 1887 года. Сущность этого вопроса выясняется въ нѣсколькихъ словахъ.

Общій для всего края законъ о поземельной подати требовалъ, чтобы поземельный налогъ исчислялся *на цѣлое сельское или аульное общество*, которое уже распредѣляло подать между своими сочленами *по благосостоянію*. Изъ этого общаго правила уже само собою истекало, что всѣ лица, не входящія въ составъ сельскихъ или аульных обществъ, но владѣющія землею въ предѣлахъ извѣстной сельской или аульной дачи, не подлежали поземельному обложенію въ составѣ цѣлага общества, а признавались „*частными владѣльцами*“ и отвѣчали, въ смыслѣ податной исправности, сами за себя. Такимъ образомъ, на цѣлое сельское или аульное общество составлялся одинъ общій „податной расчетъ“, а на каждаго частнаго владѣльца выдавался также отдѣльный расчетъ, по которому онъ и долженъ былъ вѣдаться съ казначействомъ непосредственно.

Правильность такого воззрѣнія на частныхъ владѣльцевъ истекла не только изъ здраваго смысла, но и изъ закона. Извѣстно, что въ сельскихъ общественныхъ дѣлахъ пришельцы, постороннія лица, являются всегда жертвами эксплуатаціи общества: на нихъ взвалить и лишній разъ отбытіе какой-нибудь натуральной повинности, на нихъ накинуть и лишній рубль при разверсткѣ земскихъ и иныхъ повинностей, — и, однимъ словомъ, общество, „громада“, всегда есть сила, предъ которой пасуютъ единицы, — а въ особенности пришельцы, да еще если они бѣдные. Ясны, слѣдовательно, цѣли—почему законъ взялъ частныхъ владѣльцевъ подѣ свое покровительство и поставилъ ихъ въ податную независимость отъ общества.

Въ началѣ поземельныхъ работъ послѣдняго періода (1887 г.) много и горячо говорили о томъ, какъ практически осуществить мысль законодателя и наилучшимъ образомъ оградить частныхъ

владѣльцевъ отъ притѣсненій и прижимовъ общества. Вниманіе начальства въ интересамъ частныхъ владѣльцевъ доходило до того, что всѣ ихъ большею частью совершенно микроскопическія владѣнія (десятина, поддесятины, четверть, восьмая доля и т. д.) рѣшено было обставить, на мѣстности, межевными, очень громоздкими курганами, и на первое время вся съемка сосредоточилась главнымъ образомъ на выдѣлѣ частныхъ владѣльцевъ, — потому что съемка общественныхъ владѣній, т. е. цѣлыхъ дачъ, не представляла большихъ затрудненій.

Но проходить четыре года — и взглядъ на право частныхъ владѣльцевъ на отдѣльное отъ общества обложеніе круто мѣняется. Можно бы, пожалуй, подумать, что эти четыре года убѣдили начальство въ неправильности установившагося взгляда, что выяснилась ошибочность этого воззрѣнія и потребовалось его исправленіе, — но нѣтъ, ничего подобнаго не произошло, а начальство только убѣдилось, что частныхъ владѣльцевъ слишкомъ много, что выдѣлъ ихъ потребуетъ много времени, что число окладныхъ листовъ будетъ слишкомъ велико, что это замедлитъ работы, что казначейства будутъ вынуждены имѣть дѣло съ тысячами плательщикововъ, и т. д. и т. д., — однимъ словомъ, убѣдилось, что такой взглядъ на частныхъ владѣльцевъ *неудобенъ*. Интересы частныхъ владѣльцевъ, такимъ образомъ, совершенно неожиданно были оставлены въ сторонѣ и, вмѣсто выясненія и твердой постановки частнаго владѣнія въ краѣ, явился вопросъ о будущемъ обремененіи казначейства, объ удобствахъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, объ ускореніи работъ и легкости будущаго контроля за податными сборами ¹⁾. Въ видахъ-то достиженія этихъ удобствъ, мѣстныя власти прибѣгли къ весьма несложному средству и просто приказали частными владѣльцами *считать только тѣхъ, кто имѣетъ крѣпостные на земли документы* — и болѣе никого.

Соображенія о чиновничьихъ удобствахъ, легкости контроля, упрощеніи работъ по выдѣлу частныхъ владѣльцевъ, и пр. и пр., взяли такимъ образомъ рѣшительно верхъ надъ истинными интересами поземельнаго дѣла, и почти одновременно съ тѣмъ, какъ

¹⁾ Какъ ни своеобразна сама по себѣ постановка вопроса о частныхъ владѣніяхъ въ зависимости отъ того — много ли ихъ или мало, — но нужно еще объяснить 1) что частные владѣльцы сгруппированы только около Ташкента, а также въ андижанскомъ и намаганскомъ уѣздахъ (Ферганской области), 2) и что въ ташкентскомъ уѣздѣ ихъ оказалось до 10 тыс., а въ двухъ другихъ названныхъ уѣздахъ до 20 тыс. и затѣмъ на всемъ протяженіи необъятнаго Туркестанскаго края почти нѣтъ частныхъ владѣльцевъ.

количество государственныхъ земель такъ быстро приумножилось посредствомъ объявленія всей неорошенной земли казенною — упразднены были и частные владѣльцы. Результаты этого смѣлаго шага превзошли даже всѣ ожиданія: вмѣсто десяти тысячъ частныхъ владѣльцевъ, ихъ оказалось, въ ташкентскомъ уѣздѣ, можетъ быть, всего одна — двѣ сотни (это еще точно неизвѣстно); вмѣсто длинныхъ списковъ плательщиковъ поземельной подати, получился коротенькій перечень сельскихъ и аульныхъ обществъ (отъ 150 до 200) и только очень немного частныхъ владѣльцевъ, — да и то возникъ еще вопросъ: дѣйствительно ли они частные владѣльцы, и кто будетъ провѣрять ихъ документы на владѣніе землей и окончательно устанавливать, что владѣніе ихъ документально-правильно?

Весь переворотъ во взглядахъ на частныхъ владѣльцевъ произведенъ, какъ видно, при помощи совершенно простаго приѣма. Единнымъ почеркомъ пера и безъ долгихъ разсужденій, всѣхъ частныхъ владѣльцевъ рѣшено было зачислить въ составъ тѣхъ сельскихъ и аульныхъ обществъ, гдѣ находились ихъ земли, и выдать отдѣльные окладные листы только такимъ частнымъ владѣльцамъ, у которыхъ окажутся крѣпостные документы на землю. Есть ли у кого изъ нихъ надлежащіе документы, или нѣтъ — это еще до сихъ поръ не провѣрено, но пока всѣ частные владѣльцы зачислены въ составъ обществъ, и можно сказать, что надъ частнымъ владѣніемъ въ краѣ также „поставленъ крестъ“, — какъ и надъ всѣмъ поземельнымъ вопросомъ.

Не говоримъ про то, что такая мѣра находится въ прямомъ противорѣчій съ Положеніемъ 1886 года; не говоримъ про то, что насильственное зачисленіе кого-либо въ общество есть противозаконіе, не допускаемое ни ради легкости контроля, ни ради чьихъ-либо удобствъ; не говоримъ, наконецъ, про то, что многіе частные владѣльцы оказались одновременно въ составѣ нѣсколькихъ обществъ, имѣя свои клочки земли въ разныхъ мѣстахъ, — намъ кажется особенно произвольнымъ требованіе документовъ на владѣніе, да еще документовъ крѣпостныхъ, ибо кто же не знаетъ, что тысячи туземцевъ владѣли и владѣютъ землей безъ документовъ, что требовать ихъ совершенно не предполагалось, и что только у немногихъ русскихъ частныхъ владѣльцевъ могутъ показаться такіе документы.

Какъ бы то ни было, число частныхъ владѣльцевъ въ ташкентскомъ уѣздѣ сократилось съ 10 тыс. на сотню — другую, а такъ-называемые поземельно-податные комиссары, занимающіеся составленіемъ податныхъ расчетовъ, почувствовали сразу

большое облегченіе въ своихъ трудахъ. Прежде предполагалось, что каждому изъ нихъ придется составить не менѣе двухъ тысячъ податныхъ расчетовъ, а оказалось, что не придется составить и по сотнѣ.

Отдавая должное необыкновенной рѣшительности, проявленной туркестанскимъ начальствомъ въ этомъ дѣлѣ, — нельзя, однако, не замѣтить, что эта рѣшительность, пожалуй, даже болѣе чѣмъ простое недоразумѣніе. Довольно упомянуть, что такое мѣропріятіе измѣняетъ кореннымъ образомъ самыя основы, принятія для рѣшенія поземельнаго вопроса, и, вмѣсто выясненія фактическаго владѣнія, вступаетъ на путь такъ-называемаго юридическаго межеванія, т. е. на путь провѣрки правъ посредствомъ документовъ. Но помимо того, что для такой провѣрки документовъ не только не введено въ край никакихъ учреждений и не только не издано никакого „Положенія“, но въ объяснительной запискѣ государственнаго совѣта къ туркестанскому Положенію разъяснено категорически, что ни юридическаго межеванія, ни провѣрки документовъ въ Туркестанѣ не предполагается.

Впрочемъ, туркестанское начальство, порѣшивъ такъ энергично съ частными владѣльцами и тотчасъ же принявъ мѣры къ исполненію этого новаго постановленія, обратилось, одновременно съ тѣмъ, въ государственный совѣтъ за разъясненіемъ законовъ о частныхъ владѣльцахъ и не сомнѣвается въ одобреніи принятыхъ мѣръ, — а пока дѣло стоитъ такъ: половина ташкентскаго уѣзда снята съ выдѣломъ частныхъ владѣльцевъ, половина — безъ выдѣла, и въ случаѣ одобренія принятой мѣры придется исключить всѣхъ частныхъ владѣльцевъ и уничтожить составленные на нихъ податные расчеты, а въ случаѣ неодобренія придется произвести досъемку плановъ и написать массу новыхъ податныхъ расчетовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это будетъ очень большой трудъ и новое замедленіе работъ. Что же касается до практическихъ послѣдствій упраздненія всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, не имѣющихъ документовъ на землю (такихъ владѣльцевъ девять десятыхъ), то объ этомъ пока судить еще нельзя, за неокончаніемъ поземельныхъ работъ и неприведеніемъ этой мѣры въ дѣйствіе. Когда же окончатся работы — это сказать болѣе чѣмъ трудно.

Вопросомъ о казенныхъ и богарныхъ земляхъ и затрудненіяхъ куда дѣвать частныхъ владѣльцевъ, — которыхъ оказалось слишкомъ много, по мнѣнію туркестанскаго начальства, — серія туркестански недоразумѣній еще не оканчивается. Проходимъ, впрочемъ, мѣ

чаніемъ долгіи офіціальный споръ о томъ, что такое производится въ край—кадастръ, юридическое межеваніе или просто хозяйственная съемка,—споръ замѣчательный лишь тѣмъ, что большинство спорящихъ не имѣло яснаго представленія о различіи этихъ трехъ видовъ межевой дѣятельности. Проходимъ также молчаніемъ полемику должностныхъ лицъ о томъ, не велико ли сельское и аульное общество, какъ единица для обложенія, и не слѣдуетъ ли вмѣсто „общества“ придумать какую-либо другую единицу. Въ основаніи этой полемики лежало утвержденіе нѣкоторыхъ администраторовъ,—что будто бы сельское общество, т.-е. 150—200 домохозяевъ, не умѣютъ разверстать между собою податные платежи, и что имъ надо помочь въ этомъ. Эта полемика закончилась только тогда, когда было фактически и блистательно подтверждено, что туземцы такъ умѣютъ разверстывать подати, что ихъ учить не приходится, и полезно этому поучиться у нихъ. Были и другіе споры, возникавшіе всегда преимущественно на почвѣ чиновничьихъ препирательствъ,—напримѣръ, какъ отличить осѣдлаго туземца отъ кочевого; какъ собирать „справочныя цѣны“; какъ опредѣлить, какой въ известной мѣстности главный или преобладающій посѣвъ, и пр., и пр., и пр.

Остановимся на послѣднемъ, самомъ современномъ недоразумѣніи, сдѣлавшемся не только „мѣстною злобою дня“, но и достояніемъ общей печати и разрѣшенномъ въ іюнѣ прошлаго года. Мы говоримъ о будущемъ обложеніи хлопка.

Правильное разрѣшеніе хлопкового вопроса имѣетъ значеніе не только мѣстное, но и общегосударственное, уже потому, что тутъ затрогиваются вопросы о нашей хлопковой зависимости отъ Америки и объ отливѣ нашего золота за границу.

Безспорно, что огромная часть Туркестанскаго края, въ югу отъ Ташкента, необыкновенно пригодна для хлопковыхъ плантацій. Стоитъ проѣхать одну такъ-называемую Голодную или Джизакскую степь, чтобы воображеніе ясно нарисовало картину необозримо раскинувшихся хлопковыхъ посѣвовъ. Тутъ легко предвидѣть доходы въ миліоны рублей, обогащеніе страны, занятія и работу для сотенъ тысячъ пришлыхъ рабочихъ рукъ, обширныя фабрики, вытѣсненіе англійскихъ издѣлій на всемъ безмѣрномъ средне-азиатскомъ материкѣ и золотой дождь на цѣлый вѣкъ. Тутъ и земли (и какой земли!) вдоволь, и воды сколько угодно, и ожидаются лишь капиталы и предприниматели, которые, конечно, тогда-нибудь должны найтись.

Пока, однако, до золотого дождя еще очень далеко. Голодная степь остается голодною степью; хлопковые посѣвы хотя годъ

отъ году расширяются (только не въ Голодной степи), но увидѣть даже 1.000 десятинъ засѣяннаго хлопка—еще большая рѣдкость, и изображенныя выше перспективы оживленія этой громадной степи хлопковыми плантаціями принадлежать къ области мечтаній.

Мѣстная печать и мѣстные жители волнуются пока вовсе не вопросомъ о развитіи хлопковыхъ плантацій и конкуренціи съ Америкой и англичанами, толики идутъ вовсе не о канализаціи Голодныхъ степей (степей этихъ нѣсколько),—весь вопросъ стоитъ гораздо уже и все сводится до сихъ поръ къ безпокойству нашихъ маленькихъ хлопководовъ, помышляющихъ только о томъ, нельзя ли поземельный налогъ съ хлопка установить не въ 10⁰/₀ съ валового дохода, какъ это установлено закономъ, а опредѣлить налогъ съ этого продукта—не въ примѣръ всѣмъ прочимъ мѣстнымъ произростаніямъ—какъ можно меньше, и даже нельзя ли вовсе не устанавливать никакого поземельнаго налога съ хлопка? Только изъ за этого-то и была вся тревога!

Въ настоящее время, какъ извѣстно, хлопководы пока еще никакимъ налогомъ не обложены, и когда дѣйствительно наступитъ то время, что обложеніе это будетъ сдѣлано, это еще очень спорный вопросъ. Легко можетъ быть, что пройдетъ еще 5—10 лѣтъ, и вопросъ все еще не выйдетъ изъ области разговоровъ. При мѣняющихся слишкомъ часто взглядахъ на коренные вопросы мѣстнаго земельного устройства, при такихъ неожиданныхъ поворотахъ во взглядахъ, образцы которыхъ уже приведены выше, при перемѣнѣ этихъ взглядовъ въ зависимости отъ одной личности (напр., при назначеніи новаго генераль-губернатора), можно надѣяться, что дѣло до дѣйствительнаго обложенія хлопководовъ дойдетъ еще не скоро. Пока они не платятъ ровно ничего и кладутъ полностью свои барыши въ карманъ, но уже благовременно принимаютъ мѣры къ продленію возможно дольше этого неубыточнаго для нихъ порядка.

Что же, однако, говорятъ хлопководы въ защиту своихъ претензій? Они говорятъ, что установленный положеніемъ 1886 г. поземельный налогъ въ 10⁰/₀ съ валовой доходности преобладающаго въ каждой мѣстности посѣва *рѣшительно не примѣнимъ къ хлопку*, что этотъ налогъ убьетъ хлопковое дѣло, что правительство не только не должно вѣзти этихъ 10⁰/₀, но, въ видахъ поощренія, оказывать отечественнымъ хлопководамъ самыя большія льготы, начиная съ совершеннаго освобожденія отъ налога *и нѣсколько лѣтъ* и кончая установленіемъ, со временемъ, надолго впередъ какого-нибудь легенькаго налога, меньшаго чѣмъ со всѣхъ прочихъ произростаній. И все это, конечно, единственно въ ин-

тересахъ государства и въ видахъ поощренія этого *новаго дѣла*, которое иначе-моль погибнетъ.

Когда въ сентябрѣ прошлаго года министръ финансовъ былъ въ Ташкентѣ, хлопководы усиленно писали и говорили на эту тему, и какъ оказывается—и говорили и писали не вотще: голосъ ихъ былъ услышанъ, и хотя хлопокъ отъ налога вполнѣ не освободили, но въ июнѣ того года состоялся законъ о чрезвычайно льготномъ обложеніи этого продукта. По силѣ этого закона налогъ на хлопокъ будетъ такой же, какъ на пшеницу и ячмень. Арбузы, дыни, огородные овощи, сады, виноградъ, рисъ, клевецина, люцерна, будутъ платить гораздо больше, чѣмъ хлопокъ, и, можетъ быть, только одно просо будетъ платить менѣе хлопка. Достигнувъ такого результата, хлопководы могутъ считать себя удовлетворенными.

Что хлопководы желали и желаютъ получить какъ можно болѣе и платить государству какъ можно менѣе, это совершенно понятно, но домогательство ихъ о дарованіи имъ разныхъ льготъ, въ виду будто бы особыхъ свойствъ хлопковыхъ посѣвовъ въ Туркестанѣ, вонечно, должно было быть принято во вниманіе—поскольку это не нарушаетъ ни интересовъ государства, ни простой справедливости. Если вообще можно замѣтить, что введенный въ Туркестанѣ подходящий поземельный налогъ, устанавлиющій размѣръ податныхъ тягостей въ зависимости отъ размѣровъ доходности земли, самъ по себѣ совершенно рационаленъ, то разъ такой законъ введенъ, уже простая справедливость требуетъ, чтобы онъ не былъ нарушаемъ безъ очень солидныхъ причинъ.

Какія же существуютъ основанія для льготнаго обложенія хлопка—и только хлопка?

Если послушать самихъ хлопководовъ, то можно только сказать, что они, что называется, не покупились на то, чтобы принять всѣ мѣры къ сокрытію въ этомъ дѣлѣ истины, — и успѣли весь хлопковый вопросъ также свести на почву недоразумѣній... Обо всѣхъ условіяхъ хлопковой культуры вообще и американскаго хлопка въ особенности было извѣстно еще при выработкѣ послѣдняго туркестанскаго Положенія, и ни въ одномъ изъ прежнихъ проектовъ Положенія, ни въ послѣднемъ Положеніи, не сочтено нужнымъ сдѣлать для хлопка какихъ-либо отступленій отъ общаго порядка обложенія туркестанскихъ земельныхъ произведеній. Тѣ же 10% поземельнаго налога съ валового дохода были назначены для хлопка, какъ и для всѣхъ прочихъ произведеній, при этомъ было вполнѣ точно извѣстно, что изъ всѣхъ произведеній туркестанскаго земледѣлія хлопокъ представляется самымъ

доходнымъ и выгоднымъ, и уступаетъ по выгоде только развѣ одному клеверу (люцерна).

И тѣмъ не менѣе, возникло ходатайство хлопководовъ о льготномъ обложеніи, даже о совершенномъ освобожденіи отъ обложенія „на первое время“ и т. д.; но уже достаточно сказать, что ходатайство это возбудило не начальство, а сами хлопководы, и именно хлопководы ташкентскіе, — чтобы по достоинству оцѣнить правильность этого ходатайства...

Извѣстно, что городъ Ташкентъ считается предѣльнымъ райономъ хлопковаго производства. Къ сѣверу отъ Ташкента хлопокъ почти не вызрѣваетъ, а около Ташкента вызрѣваетъ съ грѣхомъ пополамъ, и только верстъ 50—60 къ югу отъ Ташкента онъ уже не боится никакихъ климатическихъ перемѣнъ и разводится на вѣрняка...

Но ташкентскіе хлопководы говорятъ, что хлопковое дѣло — невѣрное дѣло, — дѣло рисованное, и говорятъ при томъ не отъ своего имени, а за хлопководовъ вообще... Если бы еще они сказали, что у нихъ, ташкентскихъ, или вѣрнѣе при-ташкентскихъ, хлопководовъ, есть страстное желаніе пожинать обильныя выгоды хлопковаго производства, но нѣтъ охоты терпѣть убытки отъ риска разведенія хлопка въ полосѣ не-хлопковой, если бы они просили льготъ только для себя, то куда еще ни шло, начальство могло снизить на это и, поощряя рискующихъ ташкентскихъ хлопководовъ, освободить ихъ отъ налога на хлопокъ; но ташкентскіе хлопководы говорятъ отъ имени вообще всѣхъ хлопководовъ; они увѣряютъ, что на урожай хлопка можно рассчитывать только разъ въ два-три года, что хлопку вредятъ и поздніе весенніе дожди, и ранніе осенніе заморозки, что вообще хлопководы, что называется, рискуютъ, и въ этомъ-то ихъ увѣреніи именно и кроется большое недоразумѣніе, съ успѣхомъ эксплуатируемое приташкентскими хлопководами.

Многолѣтнимъ опытомъ выяснено, что чистая доходность десятины, засѣянной хлопкомъ, опредѣляется въ 60—80 рублей, и, слѣдовательно, по закону хлопководы должны быть обложены по 6—8 рублей съ десятины; но милостивое къ ходатайствамъ начальство, путемъ допущенія разныхъ вѣроятностей въ пользу неблагоприятныхъ хлопковыхъ урожаевъ, понизило этотъ налогъ до 5, 5 р. 50 коп. Министръ финансовъ, насколько извѣстнo, по личной инициативѣ исходатайствовалъ обложеніе хлопка 1—2 руб. съ десятины (наравнѣ съ ячменемъ и пшеницей); наконецъ, сами хлопководы не хотятъ уже никакого обложенія; они требуютъ льготъ и поощреній, а нѣкоторые изъ нихъ дѣ

договариваются до обязанности правительства установить особыя субсидіи за хлопковую дѣятельность... И все это потому, что хлопководы будто бы рискуютъ, что нужно поддержать ихъ энергію, дабы отечественное золото не уходило за границу за ввозимый американскій хлопокъ, и чтобы сами американцы пріѣзжали къ намъ за хлопкомъ и платили намъ золотомъ.

Теперь вопросъ объ обложеніи хлопка уже рѣшенъ, и если хлопководы вообще должны быть совершенно довольны этимъ рѣшеніемъ, то хлопководы приташкентскіе должны просто ликовать: отнынѣ они будутъ заниматься хлопкомъ въ не-хлопковой полосѣ безъ всякаго риска; ни поздніе дожди, ни весенніе заморозки не воспрепятствуютъ имъ заплатить небольшой налогъ въ 1—2 руб. съ десятины. Въ такомъ поощреніи собственно ташкентскихъ хлопководовъ не было бы, конечно, ничего дурного, если бы населеніе настоящаго хлопковаго района, обрабатывающее, однако, ячмень, пшеницу, горохъ и платящее также по 1—2 руб. съ десятины, сумѣло понять, почему пшеница и хлопокъ обложены одинаково, когда хлопокъ въ 7—10 разъ доходнѣе пшеницы. Но населеніе врядъ-ли это пойметъ; оно, по чувству справедливости, не сможетъ разобраться въ сложной комбинаціи такого финансоваго мѣропріятія, смыслъ котораго заключается въ поощреніи наиболѣе вѣрнаго и обезпеченнаго производства. Населеніе знаетъ, какъ и чѣмъ рискуютъ хлопководы; оно знаетъ, что ташкентскіе хлопководы не имѣютъ ни малѣйшаго основанія говорить за другихъ хлопководовъ,—знаетъ, наконецъ, что ташкентскіе хлопководы, одновременно съ жалобами на рискъ и петиціями по начальству объ освобожденіи отъ налога, все увеличивали да увеличивали свои хлопковые посѣвы, не боясь никакого риска, и обработали подъ хлопокъ многія земли, изстари засѣваемыя подъ пшеницу и ячмень. Но въ особенности будетъ непонятно для населенія льготное обложеніе хлопководовъ ферганскихъ и самарвандскихъ, уже ровно ничѣмъ не рискующихъ.

Если, однако, уже было угодно поощрить вообще туркестанскихъ, а не однихъ ташкентскихъ хлопководовъ и поставить хлопковаго плантатора въ такое исключительно льготное положеніе, то да позволено будетъ надѣяться хоть на то, что, въ виду предстоящаго усиленнаго расширенія хлопковыхъ полей, будетъ обращено должное вниманіе на безобразное истощеніе гг. хлопководами почвы, на отсутствіе у нихъ всякаго ввооборота, на хищническое хозяйство пришлыхъ плантаторовъ, одавляющихъ туземныхъ хлопковыхъ кустарей, на мародерство рендаторовъ земель, засѣваемыхъ подъ хлопокъ, и, въ большин-

ствѣ случаевъ, на совершенно любительскій характеръ дѣятельности мѣстныхъ хлопководовъ. На сотни этихъ охотниковъ до быстрого обогащенія найдется едва-ли одинъ серьезный хозяинъ. У всѣхъ одна мысль: придти, увидѣть и побѣдить! Можетъ быть, 10⁰/о-ный поземельный налогъ былъ бы полезенъ уже въ томъ отношеніи, что *обуздалъ бы любительскій характеръ* этого дѣла.

Перечисливъ нѣкоторыя изъ недоразумѣній послѣдняго времени, приостановившихъ успѣшный ходъ работъ по поземельному устройству Туркестанскаго края, намъ остается въ заключеніе поставить вопросъ: можно ли, по крайней мѣрѣ, надѣяться на скорое разрѣшеніе этихъ недоразумѣній, и можетъ ли установиться какая-либо увѣренность, что въ будущемъ не возродятся вновь тѣ же недоразумѣнія, или не возникнутъ другія, третьи и т. д. новыя усложненія въ этомъ капитальномъ для края вопросѣ?

Къ крайнему прискорбію, на этотъ вопросъ можно отвѣчать скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Прошлогодній сентябрьскій переворотъ во взглядахъ на твердо установившіяся положенія непререкаемо свидѣтельствуетъ, что такъ всесторонне и полно разработанный порядокъ работъ, каковъ былъ порядокъ, подготовляемый двадцать лѣтъ и окончательно установившійся при бывшемъ генераль-губернаторѣ, генералѣ Розенбахѣ, поколебленъ и распатанъ въ самомъ основаніи. Не говоримъ уже про то, что каждый новый членъ совѣта генераль-губернатора можетъ произвести колебаніе и шаткость и во взглядахъ, и въ практическомъ ходѣ работъ,—въ зависимости только отъ болѣе или меньшей личной настойчивости,—назначеніе новаго генераль-губернатора въ корни можетъ измѣнить взглядъ не только на какіе-нибудь второстепенные вопросы, но на принципиальныя основы дѣла ¹⁾. Самыя прискорбныя случайности играютъ слишкомъ большую роль въ дѣлѣ, въ которомъ, казалось бы, личнымъ амбиціямъ не должно быть мѣста.

Только этими случайностями и можетъ быть объяснено, что вопросъ, близившійся къ рѣшенію, снова запутался и, повидимому, надолго. Исписаны горы бумаги въ „разъясненіе“ давно разъясненныхъ вопросовъ; ожесточенная чиновничья война, имѣющая въ основѣ личныя самолюбія и страсти, разгорается сильнѣе и сильнѣе, населеніе окончательно сбито съ толку, и конца такому положенію дѣла нельзя, повидимому, и предвидѣть... Н измѣримыя богатства края остаются пока въ качествѣ легенд!

¹⁾ Вопреки закону, установилось убѣжденіе, что всякое постановленіе совѣта генераль-губернатора, какъ учрежденія административнаго, можетъ быть перерѣшаемо сколько угодно разъ.

а ежегодный дефицитъ составляетъ несомнѣнный и реальный фактъ. Въ довершеніе зла, населеніе начинаетъ рѣшительно вѣрять въ неустойчивость и шаткость правительственныхъ начинаній, что въ Азіи особенно неудобно.

Въ настоящее время въ краѣ воцарилось полное поземельно-податное затмѣніе, для разъясненія котораго потребно энергическое вмѣшательство центральной власти. Все дѣло грозитъ быть надолго сведеннымъ къ многописанію, къ безплоднымъ и долговременнымъ спорамъ, пререканіямъ и чернильной войнѣ. Населеніе, разумѣется, нисколько не заинтересовано въ скорѣйшемъ окончаніи дѣла и безконечно довольно всякимъ новымъ замедленіемъ. Къ сожалѣнію, въ краѣ нѣтъ ни одного ближайшаго представителя вѣдомства, наиболѣе заинтересованнаго въ выясненіи истиннаго количества казенныхъ земель,—нѣтъ представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, и хотя представителей финансоваго вѣдомства въ краѣ вполне достаточно, и имъ, въ большинствѣ случаевъ, принадлежитъ безспорная честь обнаруженія *недоразумнѣй и неясностей закона*,—но тѣмъ не менѣе безответная казна обречена терпѣть еще многолѣтніе и безплодные расходы и, вмѣсто полученія миѳическихъ милліоновъ, покоящихся въ туркестанской почвѣ, ощущать ежегодные дефициты...

Ник. Дингельштедтъ.

